

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЛЕОНИД КОНДРАТЬЕВ,
ВЛАДИМИР МЯСОЕДОВ

ТОРГОВЕЦ

Владимир Михайлович Мясоедов
Леонид Кондратьев
Торговец
Серия «Торговец», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2443195
Торговец: Альфа-книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0997-6

Аннотация

Людам всегда чего-то надо. Деньги, власть, уважение, здоровье... список можно продолжать бесконечно. И очень часто, для того чтобы получить желаемое, они пускают в ход оружие, а значит, становятся нужны и те, кто готов им его продать. А если покупатели находятся в другом мире, мире меча и магии? Что ж, при некотором везении и наличии фамильного артефакта это препятствие вполне преодолимо.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Леонид Кондратьев, Владимир Мясоедов Торговец

Глава 1

Волею императора Священной империи Аксимилиана Первого я, ничтожнейший из иноков монастыря пресвятого Канлера Всепрощающего, начинаю сей труд, посвященный жизнеописанию удивительных приключений, выпавших на долю императора и его соратников.

(Вступление исторического труда, посвященного восхождению на трон императора Аксимилиана Первого и возвеличению его державы)

По крайней мере, этот летописец пытается придерживаться основных событий, не перемешивая их с совсем уж недопустимым количеством лжи и пафоса. Копии его книги по библиотекам страны разослать разрешаю.

(Приписка, сделанная рукой императора Аксимилиана на обложке оригинала данного исторического труда, оставленного им себе для личного пользования)

Олаф, неудачливый торговец оружием

Виски... Какая же это дрянь! Впрочем, и ром не лучше!

Ну вот почему все ими восхищаются? И почему в этом проклятом всеми богами городе, наполненном бандитами, проститутками и жуликами всех мастей, так сложно найти нормальную выпивку? Нормальную в моем понимании. Ведь острое желание напиться в возможно последние часы жизни не так просто залить контрабандным виски и ромом местного производства. А душа в те моменты, когда она соизволяет высунуться из пяток, требует водки. Именно русской водки – прозрачной, как слеза, и злой, как сторожевая собака. Это, конечно, не говорит о том, что я такой уж особенный ценитель именно русской выпивки, просто при моем образе жизни не подхватить вредных привычек при общении с представителями данного народа было просто невозможно. До сих пор посещение военных складов в любом из осколков бывшего СССР не обходилось без устоявшегося и освященного годами ритуала. Как его еще называют эти сумасшедшие русские – «обмытия». Нет, я, конечно, не против «обмыть» ящик гранат, ну два ящика гранатометов тоже можно вынести. Но после того как мне «посчастливилось» купить десять танков Т-55 – по цене металлолома, конечно, – я с очень большим подозрением отношусь к предложению «обмыть» сделку. Ибо в себя я пришел уже в порту, доставленный сердобольными продавцами. Хорошее было времечко...

– Эй, парень! Еще стаканчик! – Лицо, назовем это образование все же лицом, бармена явно не внушало доверия, но у него было одно несомненное достоинство – он замечательно умел слушать, не отпуская совершенно ненужных мне сейчас комментариев и безмолвно наливая в ответ на мои команды.

– Двойной виски, сэр?

Внимательно изучив стоящий передо мной почему-то уже на уровне глаз бокал, многозначительно хмыкнул и неожиданно для себя залюбовался переливами света в мягких тонах

ячменного виски, наливаемого барменом. Все же в этом проклятом мире осталась еще красота. А может, я просто пьян? Впрочем, какая разница. Сделать-то все равно уже ничего нельзя...

В принципе меня нельзя было назвать такой уж большой акулой оружейного бизнеса, нет, – скорее всего, я не тянул даже на пиранью. Так, мелкая рыбешка, обгладывающая крошки, выпадающие изо рта крупных воротил. Но даже этих крошек на жизнь мне хватало. Да что там на жизнь – на слой черной икры к булочке с маслом я зарабатывал. Пока не зарвался...

Непаханое, бесконечное поле Африки, бурлящее в сотнях, да что там – тысячах конфликтов разного уровня. Способное ежечасно проглатывать вагоны вооружения. Главное правило поведения на этом рынке – быстрее, дешевле, больше. А документы? Да какие, к черту, документы! Я ввозил сельхозоборудование, строительные материалы, автомобили. Именно это и было написано на арендованных мной контейнерах. А содержимое... Содержимое касалось только меня, моих поставщиков и покупателя.

Автоматы, пулеметы, гранатометы, мины – все это моментально раскупалось во все возрастающих количествах, обмениваясь на золото, алмазы, слоновьи бивни и шкуры животных. На все, что могло принести мне прибыль. И если бы вы знали, как мне надоели эти великие бваны, вожди, президенты и просто разные бандитствующие ублюдки, заинтересованные только в одном – грабеже, насилии и выживании. Ведь крайне редко кто-то из моих клиентов становился постоянным. Год, максимум два – и переговоры о поставках вооружения приходилось вести уже с представителем «армии освобождения», несущей «мир и процветание» на сожженную войной землю. Но работу не выбирают.

Именно в начале девяностых я познакомился с одним из самых отъявленных негодяев африканского континента и вместе с тем с самым крупным своим клиентом. Эту чернокожую задницу, из-за которой и еще из-за некоторых вещей я и сижу в этом проклятом баре и надираюсь, скрашивая последние часы своей жизни, звали Чарльз Мак-Артур Ганкай Тейлор. Маниакальная жажда власти сочеталась в нем с просто ураганным темпераментом и харизмой. Да взять хотя бы тот факт, что избирательная кампания в его поддержку, прошедшая в 1997 году, после более чем восьми лет кровавой гражданской войны с буквально горами жертв, проходила под лозунгом: «Он убил мою маму. Он убил моего папу. Я голосую за него». В чем-то эта сволочь мне даже нравилась. Во всяком случае, он был честен. И никогда не позволял себе обмана в расчетах и закупал у меня оружие во все возрастающих количествах. В основном легкое вооружение, советские и китайские АК¹, патроны. Немного позже его аппетиты увеличились, и в ход пошли тяжелые станковые пулеметы, безоткатные орудия.

В попытках удовлетворить его оружейный голод я вихрем проносился по складам и поставщикам. Несчетные чемоданы налички появлялись и исчезали из моих рук. Конечно же это были не мои деньги – в основном это были занятые на незначительный срок суммы, которые потом приходилось отдавать, причем со значительными процентами. Но подкупало отсутствие любых бумаг и следов трансферта денежных масс. А ведь это первое правило любого теневого бизнеса – никаких бумаг и следов. Колумбийцы, албанцы, сицилийцы... с кем только не приходилось работать. Не скажу, что было особенно приятно, но, придерживаясь определенной этики в отношениях, дела можно было вести со всеми. Поставки микропартий стрелкового вооружения, небольшие услуги – и вот ты уже не просто «отброс» и «мелкая сошка», нет – ты уже свой парень, с которым можно иметь дело и которому в случае необходимости можно дать в долг крупную сумму денег. С процентами, конечно.

¹ АК – автомат Калашникова.

Отвлечись на секунду от воспоминаний, я, не ощущая вкуса выпивки, опрокинул в себя бокал и знаком попросил бармена повторить. Может, из-за страха и обреченности, витающей в воздухе, выпивка не помогала. Устремив взгляд куда-то в глубины барной стойки, я опять задумался.

Вот так день за днем, сделка за сделкой я и докатился до своего теперешнего состояния. Всего один раз погнался за большими деньгами и положил все свои яйца в одну корзину. Если так разбираться, то корзинок было две, но от неудачного стечения обстоятельств не застрахован ни один даже самый хитроумный сукин сын. Спрашивается – почему бы мне не дожидаться результатов сделки по поставке крупного груза в Либерию, к моему «нежно любимому» партнеру Чарльзу, а уже потом, оперируя освободившимися финансами, завезти эту чертову партию переносных зенитно-ракетных комплексов колумбийцам? Жадность... Во всем виновата эта проклятая жадность... Как, казалось, красиво выстраивались сделки. Деньги албанцев идут на закупку партии «стэнов»² и АК для Либерии – судя по запросу именно такой дешевки и хлама, как «стэны», Тейлор опять решил подстегнуть повстанцев в Сьерра-Леоне. Ну да это были не мои проблемы – лишь бы платил. А на деньги колумбийских картелей я покупал на Украине отличную партию «стрел» и «игл»³ вместе с запасными ракетами. Это гарантировало в будущем хорошие проблемы американским вертолетам, по какой-то странной причине повадившимся жечь плантации коки в почти сопредельном государстве.

Если все вышеперечисленное не показалось вам таким идиотским планом, каким оно выглядит сейчас для меня, то я вас поздравляю – вы попали бы на такие же грабли, на которые я насадил себя сам. И именно поэтому я сейчас сижу в этом задрипанном баре и пытаюсь залить этим дрянным виски свой страх. Что мне в общем-то и не особенно удастся – или из-за плохого виски, или из-за того, что моей крови уже сутки как хотят колумбийцы и албанцы. И кто из них доберется до меня первым, известно одному Богу.

Вчера с промежутком буквально в пару часов случились два крайне неприятных для меня события. Впрочем, начну по порядку. Колумбийский груз – всего пара контейнеров, но вот по стоимости они в несколько раз превышали стоимость той старой лоханки, среди груза которой они медленно чапали в сторону Южной Америки. И если вы думаете, что через Атлантику, то глубоко ошибаетесь. Уж слишком много любопытных людшек живет в когда-то бывшей колонии ее королевского величества. Это я о США, если кто еще не догадался. Совсем не хотелось светить ТАКИМ грузом перед агентами Госдепа. Именно в связи с этим был выбран старый сухогруз, направляющийся в Южную Америку немного необычным способом. Необычным, но зато с некоторой долей вероятности гарантирующим доставку товара. Если, конечно, ничего непредвиденного не случится. К сожалению, в оружейном бизнесе застраховать груз мало того что практически невозможно, так еще и подчас опасно, так как любые следы сделки могут привести не только к длительному тюремному сроку, но и вообще к вычеркиванию незадачливого торговца из списка живых. Поэтому маршрут Черное море – Средиземное море – Суэцкий канал – Индийский океан – Тихий океан – Южная Америка был для моего груза самым лучшим. За исключением одного маленького, практически незаметного на карте мира государства, с некоторыми представителями коего я очень бы хотел сейчас встретиться лицом к лицу. Желательно, конечно, увидеть их в прицеле пулемета, но и просто дать в морду очень бы хотелось. Совершенно непонятен интерес и честь, оказанная обшарпанному сухогрузу более чем преклонного возраста.

² «Стэн», он же «стэнмарк» – английский пистолет-пулемет Стэн Марк (модификации от I до V) Второй мировой войны, стоявший на вооружении Британского Содружества до 1953 года. Распространен и по сей час – применяется во всевозможных «малых» войнах.

³ «Стрела-2», «Стрела-2М», «Стрела-3», «Игла», «Игла-1» – переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК) советского (и российского) производства.

Аргентинского производства шаланда с примерно полувековой историей, конечно, являлась ну просто замечательной целью для захвата ее сомалийскими пиратами. Если отбросить идиотскую мысль о том, что они могли просто перепутать это чудо кораблестроения с чьей-то прогулочной яхтой или с жирным купцом – ну не обкурились же они до полного офонарения, – остается только версия о точечном сливе информации именно об этой сделке. Колумбийцам и мне это точно делать было не с руки. Конкурентам? Да какие, к чертям, конкуренты – тут прямой заказ союза семей, в такие сделки не влезают. Ибо шарик, на котором мы имеем незадачу прожить, имеет столько углов, что информация рано или поздно всплывет, а гребля вольным стилем в озерце крокодильей фермы является довольно неприятным занятием. А именно в этом виде спортивных состязаний приходится рано или поздно участвовать тем, кто перебежал дорогу семье. Поэтому оставался только один путь, по которому информация о столь ожидаемом картелями грузе могла попасть в руки этих недавно спустившихся с пальм сомалийцев, – Лэнгли. Только эти сволочи, сидящие в тишине кабинетов с безвкусным кондиционированным воздухом, занимаются такими подставами. И их можно понять – груз переносных зенитно-ракетных комплексов позволил бы колумбийцам хорошо прижать самолеты и вертолеты Управления по борьбе с наркотиками. Да так, что общий оборот с Мексикой и США возрос бы как минимум в пять-шесть раз. Так что – да пусть будут прокляты эти сволочи из ЦРУ!

Грохнув уже пустым бокалом по стойке, я вопросительно уставился на бастующего бармена. В ответ он многозначительно покосился на показавшую дно бутылку виски, еще недавно купленную мной на последние, чудом нашедшиеся в кошельке деньги. Да-да, именно столько денег осталось у меня после более чем двадцатичасового воздушного марафона, осуществленного с помощью остатков наличных, четырех паспортов и наугад выбранных рейсов случайных авиакомпаний. Зато теперь я имею сомнительное счастье смотреть на дно опустевшей бутылки где-то на побережье Восточно-Китайского моря. В городе, полном порока, убийц и отчаяния. В этом наполненном миазмами наживы и беззакония рае для контрабандистов и наркоторговцев. Именно сюда сливается вся грязь окружающего региона, и именно здесь среди представителей практически всех народов и религий проще всего затеряться без пяти минут смертнику.

Прислушавшись к хриплым звукам блюза, исторгаемым выдавшим виды музыкальным автоматом, я на несколько секунд провалился куда-то очень глубоко внутрь себя, задумавшись даже не о причинах бегства, а о необходимости его и неминуемом финале. Шансы затеряться и спрятаться от картелей были, сказать честно, небольшие, но ведь были. Однако одновременно спрятаться от албанцев и от колумбийцев, не имея связей и денег, было нереально. Своими прыжками по миру я лишь немного оттянул свое знакомство со смертью. Эх, если бы этот проклятый Чарльз Тейлор продержался у власти на пару дней больше. И тогда... Тогда бы мой груз, спокойно прибывший в порт Монровии, не достался бы немытым повстанцам, отличающимся от свергаемой ими власти только нагулявшимся аппетитом и полным презрением к договоренностям предыдущего строя. «Движение за демократию в Либерии» не считает себя вправе платить по счетам кровавого тирана. А захваченное в ходе освободительной войны оружие, предназначавшееся для еще большего угнетения многострадального народа Либерии, послужит для обеспечения мира и защиты Свободы!» Двумерные сволочи! И это мне в глаза говорила министр финансов того же Тейлора, мигом перекрасившаяся и ставшая белой и пушистой с приходом повстанцев.

Бросив еще один наполненный тоской взгляд на зажатый в руке пустой бокал, я осторожно и, можно сказать, ласково поставил его на исцарапанную сотнями клиентов стойку и, чуть покачнувшись, встал. Кивком попрощавшись с потерявшим ко мне всяческий интерес барменом, я вывалился в жаркую тропическую ночь, после ласковой прохлады мерно гудящего кондиционера показавшуюся мне обжигающе горячей. Воздух, напоенный влагой

от расположенного буквально в паре километров моря, удушливой волной проник мне в легкие, унеся даже слабые следы опьянения.

Немного постояв на крыльце и с задумчивым видом похлопав себя по карманам, попытался определиться, какие еще активы присутствуют на моем брэнном теле. Уж слишком хотелось надраться до розовых слоников. Что поделаешь – ирландские корни. Из предметов, которые можно по-быстрому превратить в наличность, присутствовали поддельные «ролексы» ценой буквально в пару баксов, небольшой перочинный нож, недавно приобретенный «глок»⁴ и пустой кошелек с несколькими никому тут не нужными рандами⁵. Расставаться с пистолетом в портовом районе, примыкающем к густым мангровым зарослям по краям бухты, испохабленной раковой опухолью многоэтажных домов, многочисленных складов и бесформенных хибар, было бы еще более извращенным способом самоубийства, чем занять и не отдать деньги у мафии. А стоимости всего остального барахла, находящегося в моих карманах, явно недостаточно, чтобы погрузиться в приятные баюкающие волны алкогольного опьянения.

Если только... А действительно, если уж мой род на мне и прервется, то хранить семейную реликвию становится по меньшей мере глупо. И если так, то украшающий мой безымянный палец перстень, хоть и выглядящий не особенно драгоценным, при некоторых усилиях можно продать. Украшающий его сапфир сам по себе довольно неплох, но вот угловатая, черная от времени серебряная оправка, покрытая многочисленными царапинами и немного сплюснутая сбоку, явно будет лишней у ростовщика. Видимо, придется продавать по отдельности.

Оглядевшись вокруг в поисках укромного места, по-тихому, стараясь не привлекать внимания, завернул в небольшой проулок, наполненный каким-то хламом. Битые ящики перемежались кучами гниющего мусора и мятых картонных коробок. Типичная картина портовых задворков – ее можно увидеть, пожалуй, в любом порту мира, за исключением тех мест, в которых хотя бы некоторое время в году идет снег. Вид и наполнение таких мест меняются от местности к местности, но постоянный прогорклый запах разложения и морской соли остается неизменным.

Выбрав на гофрированной стене склада местечко почище, я прислонился к нему для устойчивости и, раскрыв жалкое подобие тактического ножа, приступил к ювелирной операции. Оправка оказалась неожиданно прочной, и после первых жалких попыток разогнуть крепление камня пришлось помянуть незлым словом святого Патрика и приняться за нее всерьез. Видимо, в этот момент не к месту упомянутый святой обиделся где-то там на своих небесах, и соскользнувшее по камню лезвие хорошенько вскрыло мне руку. Густая кровь, кажущаяся черной в неровном, пробивающемся в переулок свете уличных фонарей, моментально принялась заливать мою ладонь.

Громко выругавшись и помянув все того же святого Патрика, чтобы его там на небесах приподняло да хлопнуло и чтоб ему пить только воду, да и то по праздникам, свободной рукой аккуратно сложил подведший меня нож и, пристегнув его к поясу, принялся копаться в карманах пиджака в поисках носового платка. Все же истечь кровью в грязной подворотне – это было бы чересчур. Даже для меня и даже в моем положении.

Пока я, чертыхаясь, пытался выловить этот проклятый всеми святыми платок, нечто необычное и странное появилось на грани моего восприятия. Полумгла переулка как будто бы расступилась, и появившееся пульсирующее серебристое сияние мертвенным

⁴ «Глок» – австрийский пистолет, но модель может быть произведена где угодно, чаще всего в США, где «глоками» вооружено большинство полицейских.

⁵ Ранд – валюта ЮАР.

светом озарило груды мусора, сделав их еще более неприглядными. Наконец-то нащупав кончиками пальцев искомый кусочек ткани, я отвлекся на окружающее и остолбенел...

Струи белого тумана, сияющие серебристым светом, который и окрасил окружающее в неживые цвета, исходили как раз из залитого моей кровью перстня. Извивающиеся, пульсирующие в такт моему сердцебиению, по какой-то странной причине отдающемуся в голове иголочками боли, они принялись складываться в туманную арку, заполненную мерцающей темнотой. Примерно так же в отраженном свете может мерцать нефть или отработанное машинное масло – подергиваясь медленными ленивыми волнами от падающих в него предметов.

Все же недаром об ирландцах говорят, что они не боятся ни черта ни бога, забывая, конечно, уточнять, что все это справедливо только после первой выпитой бутылки виски. Но во мне-то как раз она, родимая, и обреталась, еще и без закуски да на голодный желудок. Наверно, именно поэтому я не убежал, как любой нормальный человек, а, извлекши все же платок, принялся с толком и расстановкой медленно перевязывать попорченную ножом руку, периодически бросая заинтересованные взгляды в сторону арки. Когда я закончил свои срочные медицинские дела, висящий передо мной портал уже начал восприниматься как что-то знакомое и не вызывающее никакого страха. Может, небольшое опасение, хорошо разбавленное текущим в моих жилах виски.

Как вы думаете, что делает чуточку пьяный (ну ладно – хорошо датый) ирландец, перед которым зависло нечто необычное, интересное и абсолютно точно ни фи́га не понятное? Правильно – лезет любопытствовать.

Первым в арку влетел подобранный с земли камешек, обляпанный, правда, чем-то липким и подозрительно пахнущим. Убедившись, что он канул в черную маслянистую поверхность, заполняющую туманные границы, с концами и только медленные ленивые круги разошлись в месте его проникновения, я извлек из плечевой кобуры «глок» и кое-как раненой рукой передернул затвор. Что бы это ни было, оно на меня не бросается, и в моем положении любая новость может быть только к счастью, так как хуже уже быть некуда. Осторожно и медленно потыкал пистолетом в зависшую передо мной поверхность. Ствол беспрепятственно проникал в эту пленку и выходил из нее абсолютно неповрежденным. Пережив необычайно мощный приступ любопытства, практически граничащий с идиотизмом, и перекрестившись на всякий случай, не выпуская пистолета, внутренне сжавшись, как перед прыжком в холодную воду, я шагнул в арку.

Мгновение полной темноты – и вот я уже нахожусь в какой-то полуразрушенной комнате, заваленной грудями искореженной мебели, обломками балок и камнями разрушенного свода, сквозь пролом в котором и льется, скорее всего, лунный свет, освещающий все это пыльное непотребство. Резко развернулся и краем глаза успел заметить исчезающие, как будто сворачивающиеся сами в себя остатки арки. Да какой, к чертям, арки! Или я не ирландец – по всем признакам это был портал, каким его описывают в старинных сказаниях и во всевозможной фантастической литературе. И уж поверьте мне, если после пятой кружки эля или первой бутылки виски в ирландском пабе не заходит разговор о старых временах и о фейри⁶, то этот бар явно находится не в Ирландии или в нем слишком много трезвых людей. Дайте обычному жителю зеленого Эрина выпить вволю да промыть с песочком кости «добрым соседям» иль самому Богу со всеми его святыми – вы не найдете на свете более счастливого человеческого существа.

Уж прожив большую часть своей жизни в Ольстере, я знаю, о чем говорю.

То ли из-за извечного ирландского любопытства и упертости, то ли из-за странной уверенности, что все, что могло со мной случиться из неприятностей, уже случилось и дальше

⁶ Фейри – нелюдь из ирландского фольклора.

будет только что-нибудь интересное, но я принялся за исследование окружающего пространства.

Примерно через час я еще раз убедился, что все в подлунном мире уже украдено до нас. Во всяком случае, в этом зале точно. Пыль, еще раз пыль и занесенная сквозь провалившийся потолок листва. Типичная картина...

Попинав еще некоторое время разбросанные по полу камни, я с интересом уставился в зияющий в потолке пролом, из которого лился мягкий лунный свет. Пробитая чем-то дыра выходила в узкий колодец, закрытый толстой кованой решеткой, за которой виднелся небольшой кусочек неба. Обычного такого ночного неба, с темными перистыми облаками и мерцающими огоньками звезд. Только вот лун в наполненном незнакомыми созвездиями небе было почему-то две.

Методика моментального отрезвления в действии – застыв и похлопав глазами пару минут в полной прострации, я перевел уже абсолютно трезвый взгляд с небес на землю. Во мне крепла железобетонная уверенность, что теперь проблемы с мафией уже не кажутся такими большими. Нет, кинутые на немалые деньги колумбийцы и албанцы до кучи – это страшно. Но что-то подсказывает мне, что это уже совсем непринципиально...

Стоило мне только чуть успокоиться и уже начать привыкать к окружающему, как из темноты одного из проходов, находящегося с правой стороны зала, потянуло холодом. Не обычным холодом сквозняка, а могильным холодом надвигающейся смертельной опасности, заставившим меня покрыться крупными мурашками и сглотнуть вдруг ставшую вязким комом в горле слюну. В полной тишине, разбавленной только чуть слышным подвыванием ветра в проломе и моим частым дыханием, в зал вплыл обряженный в ошметки старинного одеяния и черную, топорщащую во все стороны шипы кирасу призрак. Почему, вы спросите, я был так уверен, что это был именно призрак, – просто не оставляла меня идиотская мысль, что если через человека можно спокойно видеть противоположные стены, то он уж явно не является живым...

Несколькими секундами позже. Веселыми такими секундами, заполненными крепкими ирландскими выражениями, русским матом, беспорядочными выстрелами и мелодичным звоном подпрыгивающих на каменном полу гильз

– Да когда ж ты сдохнешь! – Под аккомпанемент выстрела моя реплика зазвучала с оттенком, которого я не помню за собой с детских лет. Оттенком панического ужаса.

– Моя кираса! – взвопило привидение. Висящий в воздухе полупрозрачный силуэт пожилого человека с волевыми и резкими чертами лица, пусть и свитыми из переплетений тумана, был одет в рванье, которому пули видимого вреда не носили, дырявя навывлет. Единственная же твердая вещь, укрывавшая нематериальную плоть разгневанного духа, после нескольких попаданий из пистолета напоминала если и не сито, так сток для воды, забраный необычной решеткой. – Убью!

Выстрел, выстрел, выстрел – и зазвучавший похоронным колоколом щелчок спускового механизма немного привел меня в сознание. Пока руки на полном автомате выщелкивали пустой магазин и меняли его на извлеченный из-за пояса новый, в голове среди панических мыслей все больше и больше обретала стройность одна добрая фраза, полностью характеризующая происходящее, – если переводить ее на английский, она, конечно, полностью теряет свою экспрессию, но вот в русском варианте название маленького северного пушного зверька звучит вдохновляюще. Той экспрессии, с которой эта фраза была произнесена украинским прапорщиком при погрузке контейнера в Одесском порту, когда совершенно случайно оборвалась одна из четырех строп и десятитонный контейнер с противотанковыми минами опасно закачался на двадцатиметровой высоте, мне никогда не достигнуть, но сам факт! Тем более что частичка русской крови во мне все-таки наблюдается –

все вопросы к деду. Какими путями он привел под венец сбежавшую от революции русскую княгиню – просто не представляю, но с тех самых пор более или менее хорошее знание русского языка в нашей семье было чуть ли не правилом хорошего тона. И между прочим, оказалось бо-о-ольшим подспорьем в моем нелегком бизнесе.

– Да когда ж ты сдохнешь!!! Во имя всех святых!

– Я сам святой так, что дальше некуда! – рявкнул в ответ призрак и понесся вперед, вытянув руки со стремительно увеличивающимися пальцами, которые хищно шевелились и напоминали уже щупальца спрута, а не части человеческого тела. Пусть и призрачного. – При жизни был канонизирован всем святым кагалом, чтоб им пусто было! Ни одна скотина после смерти со мной и разговаривать не желает! Все как один изгнать пытаются, а у меня еще остались тут дела, и помешать им какому-то недоумку я не дам!

Попытка увернуться от объятий нежити успехов не принесла. Мертвенно-холодные руки, несмотря на полупрозрачность ставшие тверже железа, сомкнулись на шее словно стальной ошейник. Ярость и азарт боя исчезли в никуда. За ними же, как это ни странно, последовал страх. А боль в легких, которым моментально стало не хватать воздуха, почему-то так и не появилась. Вместо нее пришло смутное ощущение чего-то стремительно исчезающего из тела. Чего-то очень важного и в то же время почти неощутимого. Жизни.

– Паршивец! – как сквозь слой ваты доносился голос разгневанного привидения. – Всю кирасу мне издырявил... гномью. Один. Быстро.

Руки духа разжались, и жертва нежити, ежась от пробравшего ее до костей мороза, сделала судорожный вздох.

– Как ты это сделал? – Прозрачный силуэт непостижимым образом вывернулся из своей одежды и теперь внимательно ее рассматривал. Точнее, дырки в ней. – Кто ты и как сюда попал? В мой дворец людям нет хода. Во всяком случае, живым.

Как иногда говорят русские – если уж помирать, так с музыкой. Хоть странный паралич, охвативший тело, и не давал спустить курок непосредственно в призрачную харю собеседника, легкие уже заработали, и во всю свою луженую глотку я выдал семейное:

– Тролль таки юдр олл!

Правда, переходящее в нашем семействе из поколения в поколение проклятие вышло каким-то писклявым, что ли. Наверное, это оттого, что больше всего в данный момент я боялся обмочиться со страху. В голове пробегали панические мысли о том, что если уж сейчас меня будут жрать по кусочку, то надо сохранить хоть часть достоинства потомка древнего ирландского рода. Как только смысл столь малодушных мыслей дошел до моей дурной головы, волна ярости буквально затопила меня. Кроваво-красная мутная волна, заставившая зарычать и забиться от бессилия в оковах парализованного тела. Наверно, именно с такими животными звуками мои далекие предки шли в атаку на противника, вселяя в его ряды ужас. И только попадись мне сейчас в руки этот долбаный призрак, только дай коснуться его – я бы порвал его на тысячу лоскутков, годных только... Да чихать мне, на что будет годен этот труп, если я до него доберусь.

– Гр-р-р-р!!!

– Это вряд ли, – покачал головой дух, отвлекшись от процесса созерцания. – Мужеложцев среди этих гигантов не наблюдается – все-таки и простые нравы имеют свои положительные черты... Хм... а похож... похож... Ну-ка, а это у нас что такое?

Рука, на одном из пальцев которой был перстень, против воли ее владельца поднялась высоко в воздух, вывернувшись под углом, заставившим гневный рык перейти в болезненный стон.

– Неужели оно? – задумчиво пробормотал себе под нос призрак, рассматривая украшение. – Неужели это действительно Глаз Змея? Неужели... Отвечай! Откуда у тебя эта вещь?

– Сволочь! Ну только дай до тебя добраться, я тебе все покажу! И семейное кольцо! И пушного зверька! Я тебе, потомку козла и макаки, гланды через уши вырву!!!

Все еще застывшее в захвате призрака тело, конечно, немного мешало дотянуться до горла и вырвать кадык этого старого призрачного... шептуна. Но уж как этого хотелось – просто не передать словами. Видимо, передававшиеся из поколения в поколение гены наконец попали в ситуацию, наиболее подходящую для их применения.

– Да ради бога, – вдруг хмыкнул призрак, и оцепенение, сковывающее тело, вдруг исчезло, а сам он оказался в полуметре. Удар. Еще один удар. Еще! Кулаки, каждый из которых мог расколоть кокосовый орех, бессильно лупцевали воздух под задорный смех нематериального гада. Призрак, не боящийся пуль, оказался столь же недосыгаем и для грубой физической силы.

– Ты!!! – в бессильной ярости прорычал я и сделал единственную сверхъестественную вещь, на которую был способен: ткнул кольцом по так и не зажившей на руке ранке. Вспышка света озарила подземелье, в ушах внезапно зашумело, а тело стало невесомым, но через краткий миг все исчезло.

– Так! Посмеялись – и хватит! – вдруг посуровел дух, и мое тело вновь сковало оцепенение. – Я жду ответов. Откуда у тебя Глаз Змея?

Бросив из-под бровей на самозваного следователя испепеляющий взгляд, от которого он, правда, даже не почесался, и для проверки еще пару раз дернувшись в фиксировавших меня невидимых путях, я с большим трудом попытался успокоиться. Ведь если сразу не стали харчить, значит, я для чего-то нужен. То, что с этим старичком я ничего пока поделывать не могу, это факт, поэтому отчего бы и не поговорить? Тем более что я хоть и не злопамятный, но уж при случае отомстить смогу. А для этого необходимо знать хоть что-то об объекте своей мести. Глубоко вздохнув и постаравшись успокоиться, ответил на вопрос моего странного собеседника:

– Я уже говорил – это семейное кольцо. По легенде, принадлежало моему предку Олафу Рыжему. – Поморщившись на идущий от призрака холод, недовольно добавил: – Теперь доволен?!

– Ну... – Призрак задумался. – Что это кольцо Олафа, я уже понял. Перстень верховной жрицы храма Богозмея – весьма узнаваемая вещица, особенно для моих мертвых глаз. Да и на легендарного героя ты походишь... немного. Как и все его многочисленные потомки, впрочем. Но лучше скажи-ка мне, родственничек, что ты именно сейчас и именно здесь забыл? Катакомбы моего дворца – не лучшее место для прогулок даже для тех, кто унаследовал от Олафа его легендарное бесстрашие и полное отсутствие чувства самосохранения.

– К... КАК?! Какой родственничек!!! Слышь, старый, я вообще из другого мира! – От возмущения у меня, как говорится, чуть ли не в зобу дыхание сперло. Во всяком случае, будут тут мне всякие подозрительные призраки в родственники примазываться. Всех своих родственников я уже пять лет как похоронил. И не против похоронить и вот этого. Хм, странный каламбурчик получился.

– Какой есть, – хмыкнул призрак. – Правнук Олафа Рыжего, Канлер Великий к вашим услугам.

И галантно поклонился.

– Значит, легендарный герой нашел какую-то тропинку в другой мир, – разогнувшись, задумчиво промолвил он и машинально потрогал то ли слишком длинную щетину, то ли слишком короткие усы. – И там он, по всей видимости, и скончался, иначе бы его тело давно нашли... Как это было?

Может, я, конечно, тормоз, а может, это были последствия выпитого, но от слов призрака в прострацию я не впал. И даже не застыл как громом пораженный, как по всем законам жанра должен был сделать. И уж тем более не стал, как в мелодраме, бросаться призраку

на шею с криками и слезливыми соплями. Еще более подозрительно посмотрев на старого хрыча, я пару раз дернулся в путах и со значением высказался:

– Дедуль, так, может, родственничка-то отпустишь?

– Ты как с королем разговариваешь, нахал! – возмутился призрак, но тем не менее паралич убрал. – Хотя в принципе можно. Бежать-то тут особо некуда. Вроде как. Но кольца не трогай! Удушю! И рассказывай, рассказывай. Не так много осталось вещей, способных вызвать мое любопытство, и смерть Олафа Рыжего – одна из них.

Ощувив свободу, помассировав сдавленное горло и затекшую шею левой рукой, все еще не выпуская «глока» из правой, я принялся вспоминать, как же отбросил коньки основатель моего рода – в чем-то легендарная личность, прославившаяся на весь Эрин своей наглостью, бесстрашием и совершенно чудовищным аппетитом до женского пола. Последнее, что сохранилось в семейных преданиях, – что после возвращения из вояжа в Италию, где он со своей дружиной и еще кучей викингов знатно пограбил католические монастыри, старому Олафу, лишившемуся в этом походе руки, стукнуло в голову отправиться на поиски Винланда, в которых он вроде и сгинул. Во всяком случае, больше о его безрассудных поступках и обрюхаченных им молодых красотках не было слышно. Хотя не удивлюсь, что на американском континенте, если он до него доплыл, предок оторвался за все тяготы длительного морского путешествия. Ну а примерно через пару лет после его отплытия из далекой Италии возвратился его соратник, привезший с собой ни много ни мало – мумифицировавшуюся руку этого самого Олафа и его кольцо. После того злосчастливого боя, в котором предок лишился своей хваталки и был вынужден позорно бежать, монахи, оказавшиеся, к слову, не такими уж хлюпиками, выходили одного из захваченных живьем викингов и после мощной промывки мозгов обратили его в христианство. Вот именно поэтому брат Марк (если правильно помню семейные хроники) и смог вернуться на Эрин в составе папской делегации, захватив при этом потерянные цапки своего бывшего соратника.

Реакция на мой рассказ была поразительной...

Призрак хохотал как безумный, и звуки его голоса, отражаясь от стен подземелья, звучали откровенно жутко.

– Ах-ха-ха, узнаю прадедушку! Теперь понятно, куда он исчезал на целые месяцы! И в чужом мире прославился, нет, ну это ж надо... Эх, одного только не понимаю: почему он за кольцом, а судя по всему, переход между мирами создает именно оно, не вернулся?

– Так оно же вместе с отрубленной рукой в воду плюхнулось, – пожал я плечами. – Причем не абы где, а в море. Чудо, что прибой выбросил конечность, рыбами и разложением абсолютно, кстати, не тронутую, к ногам обратившегося в христианство соратника Олафа.

– Скорее уж это работа Глаза Змея, – не согласился призрак. – Такие вещи имеют нечто вроде своего разума и воли – блеклое, зачаточное, но все же... Но яркие эмоции своих хозяев они чувствуют и любят испытывать, это абсолютно точно. Видимо, перстню захотелось вернуться к прежнему владельцу, с которым было куда веселее, чем на морском дне. Кстати, а другие твои предки, которые его носили, они ведь тоже, наверное, на одном месте в праздности не сидели, а рвались к приключениям всеми силами?

– Ну... как бы это сказать... – Вроде бы уже собравшийся полностью отвергнуть предположение призрака, я с большим удивлением для себя принялся вспоминать о деяниях своих предков. С очень большим удивлением. Раньше мне просто в голову не приходило, что это может быть ненормально, но вот если посмотреть на всю историю моего рода именно под таким углом, то... А считай, во всякой крупной войнушке мои предки замазывались по самое «не хочу». Начиная с разборок с англичанами при Генрихе Втором, Столетней войны, Наполеоновских войн, Кубинской, Англо-бурской, Первой мировой, Второй мировой. Родственнички отметились везде, где было можно и где нельзя. Взять, например, моего папашу – на его счету Родезия, Ангола и Вьетнам. На этом фоне я, если честно, смотрюсь

очень бледно, хотя тоже имею за душой парочку пройденных кампаний и примерно полтинничек трупов. Во всяком случае, теперь мне хоть немного понятно, в кого у нашей семейки такое знатное шило в заднице.

– Можешь не говорить, – разрешил призрак и с любопытством стал рассматривать «глок». Мой «глок»! Когда и как эта сука успела его стащить из руки?! – Владелец такого оружия – великий воин и сын великого воина... Хорошая штука, всю кирасу мне разворотила, а ведь за нее чуть ли не золотом по весу было заплачено.

– Таких денег она не стоит, – сказал я раньше, чем успел подумать. – Любой броник лучше.

– А у тебя он есть? – мгновенно заинтересовался дух.

– Да хоть... У меня такого добра, как этот пистолет, а также чего покруче, столько – армию вооружить хватит. Вот только бабки кончились...

Немного стусевавшись от внезапно проскочившей мысли о том, что парочка арендованных складов с различными неликвидами у меня, конечно, имеется, например с теми же американскими PASGT⁷, которые по своим бронезащитным свойствам полное... то есть, если говорить более политкорректно, защищают чуть менее чем от ничего. Во всяком случае, от пуль древнего, как сама жизнь, русского ТТ⁸ или его китайской реплики они не защищают абсолютно. Ну в крайнем случае там и пара десятков итальянских керамических броников наличествовала. Эти-то точно дедуле бы понравились – уж если они пулю из СВД⁹ держат со ста метров, то ихние допотопные стрелы точно. Только вот склады эти – они вообще-то теперь в другом мире обретаются, а мое брненное тело – в этом. Да и появляться мне там теперь уж точно не с руки. Чревато, так сказать. Могут сделать бо-бо. Или пульку подарят – абсолютно бесплатно. В рамках рекламной акции: «Так будет с каждым кинувшим нас». Хотя... бросив взгляд на загоревшегося от перспектив дедулю, я с профессиональным интересом спросил:

– В общем, оружия у меня много. Я, если так разбираться, занимаюсь торговлей всеми видами вооружений уже почти пять лет. Но вот проблема-то в том, что оружие там, а я здесь. И вдобавок «там» у меня небольшие проблемы, от которых мне бы лучше оставаться «здесь» как можно дольше. Так что очень хочу выслушать твои предложения. Может, ты с высоты своего опыта что подскажешь? – Небольшой подхалимаж оказался в тему: старичку как будто икорку маслом перед носом помазали – улыбка просто соответствующая была.

– Решать тебе, – не меняя выражения лица, добрым голосом сказал призрак. – Вот только еды и воды в подземельях нет... вино, впрочем, найдется, если оно еще в укус не превратилось. Но выходить отсюда я тебе очень не рекомендую. Снаружи, знаешь ли, опасно. Очень. Там такие твари шастают, что заглотят целиком, причем не только тело, но и душу. Так что если проголодаешься, придется тебе вернуться домой. А насчет того, как туда попасть... Кольцо Глаз Змея – это артефакт-телепорт. Верховная жрица Богозмея благодаря ему могла в мгновение ока попасть к своему алтарю откуда угодно. А потом, с новыми силами, опять вернуться туда, откуда пришла. Но ему нужно время, чтобы восстановить свою растрченную силу... Не знаю сколько, но не очень много. А если положишь его вон на тот камешек, украшенный резьбой в виде пожирающих людей питонов, то он сделает это мгновенно. Только сам при этом, скорее всего, сдохнешь, так что лучше подо-

⁷ PASGT – индивидуальный бронезащитный комплект на вооружении сухопутных войск США. Состоит из бронези-лета и бронешлема.

⁸ ТТ, он же «тульский токарев» – пистолет тульский Токарева.

⁹ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

ждать. А раз уж ты торгуешь оружием... я покупаю у тебя эту вещь, если, конечно, она у тебя не одна такая. А в уплату дам... мм... ну-у...

И тут призрак моргнул и исчез. Вместе с «глоком». И не успел я испугаться, что этот не до конца покойный родственничек исчез с концами, как он вернулся и буквально втиснул в мои руки какой-то небольшой, но неожиданно тяжелый для своих размеров браслет.

Цацка при внимательном осмотре оказалась знатной. Во всяком случае, примерно граммов двести чистого золота по весу и штук пятнадцать интересных таких камешков – ну и что, что неограниченных, а просто отполированных, – внушали определенную уверенность и вызывали звуковые галлюцинации в виде хруста новеньких долларовых купюр. Да даже если просто по весу продать, хватит примерно десять таких «глоков», да при полном обвесе, купить. Поэтому, быстренько выудив из кармана последнюю запасную обойму, я устроил старичку мастер-класс. И вот что странно – пули сквозь этого гада пролетают, и по морде ему не врежешь, а ствол держит как живой. Причем вцепился так, что пистолет даже при отдаче не дергается. А время, проведенное с пользой, и отключившаяся на несколько минут от ожидающих меня в моем мире проблем голова позволили мне хоть чуть-чуть прийти в себя. Ведь не каждый же день на мою голову сваливается призрачный родственничек милитаристского уклона с предложением заняться межмировой торговлей вооружениями. Во время объяснения сборки-разборки и основ обслуживания «глока» в моем все еще немного затуманенном выпивкой разуме понемногу забрезжила спасительная идея. Ведь в принципе до срока расчета с албанцами есть время. Так что если побыстрому спихнуть родственничку партию залежавшегося на складе, то одной проблемой на свете для меня станет меньше. Ну а что делать с колумбийцами и застрявшими в Сомали контейнерами с их грузом, можно придумать потом. Во всяком случае, первое, что сейчас необходимо, – это выяснить возможный объем сделки. А вот дальше будем плясать от фактов и сумм. Именно поэтому я позволил себе отвлечь радостно расстреливающего остатки кирасы призрака:

– Дедуль, в общем, с оружием проблем у меня нет, так что давай договоримся – я сейчас, если получится, отправляюсь обратно. А после того как доберусь до складов, возвращаюсь сюда с образцами, и ты скажешь, сколько и какого вооружения тебе будет необходимо. И учитывай сразу, что так поразившая тебя игрушка – это почти самое слабенькое из того, что у меня есть. Тем более что у него куча ограничений: дальше пятидесяти метров из него не постреляешь. В смысле – хрен попадешь. Да и бронестойкость у него подкачала. Так что приволоку все, что есть, – а ты скажешь, что тебе из этого будет надо. Договорились? – После чего вспомнил самое важное и добавил, с озадаченным видом рассматривая кольцо: – Дед, как сюда – это я понял, а обратно-то как?

– По идее точно так же, как и сюда. Ты же его уже активировал один раз, я видел, вот только энергии Глазу Змея тогда не хватило. Но сейчас он, думаю, уже восстановил силы.

Глава 2

Юность император Аксимилиан, отданный своим мудрым отцом на воспитание в цитадели магии, провел, постигая сокровенные тайны волшебства, а после становления своего могущества – долгие десятилетия жил, таясь среди простого народа, чтобы проникнуться его заботами и чаяниями.

(Первые строки главы, посвященной юности императора)

Рассказать бы правду... как вырванный из родного дома бастард из-под палки учился, а после смерти его титулованного родителя и развала государства был выброшен прочь на вольные хлеба. Как наемничал, голодал, скитался, иногда даже воровал, пользуясь тем, что на боевого мага не подумают, а подумают – так не посмеют обвинить...

(Надпись на полях, просматриваемая даже из-под толстого слоя замазки, благодаря тому что была написана не обычными чернилами, а при помощи волшебства. Личность чародея, что посмел испортить личное имущество императора, так и не установлена)

Аксимилиан, городской маг

– Добавим щепотку камня слез, – задумчиво протянул я, бросая упомянутое вещество в громадную огнеупорную колбу и наблюдая за результатом. Жидкость неопределенного цвета поглотила щедрый (один мешочек – пять серебряных!) дар, после чего слегка побулькала и закипела, повинувшись жаркому пламени алхимической горелки. Интересно, это хороший знак или опять что-то не так выйдет? О боги, лишь бы получилось, времени еще на одну попытку у меня не будет... – Так-с-с, что у нас дальше... – Мой нос ткнулся в свиток, расстеленный на соседнем столе, помогая глазам в скудном освещении трех свечей разбирать старые, выцветшие от времени руны. Ходить туда-сюда было, конечно, не совсем удобно, но оставлять ценный раритет близко к открытому огню было бы по меньшей мере неосмотрительно. – Хакколи, – задумчиво пробормотал я и осмотрел лежащие рядом с горелкой ингредиенты, в особенности веточку зеленого цвета, которую уже собирались отправить в колбу мои пальцы. – А оно ли это? Не помню... Хм, может, потому у меня и выходит какая-то гадость? Значит, надо в словаре поискать!

Идея пришла мне по вкусу, и стоящий у противоположной стены шкафчик с книгами подвергся безжалостному разграблению со стороны потомственного варвара, род которого пять поколений цивилизации не избавили от полезных привычек вроде умения вести переговоры кулаками и соблазнять женщин при помощи демонстрации имеющихся по всему телу мышц... Бездна! Да куда же делся этот фолиант?! Лихорадочные поиски успеха не принесли – искомой книги не было, и в душу начала закрадываться паника.

– Так, спокойно, спокойно, это еще не конец света, – начал я сам себя убеждать по методике, которую пытался изучать, наткнувшись в библиотеке ордена на перевод какого-то восточного трактата о путях к совершенству. – Давай успокоимся и пересчитаем имеющиеся в наличии книги еще раз. Сборник молитв Господину Света, четырехтомник «Владения силами» от Аона Сарийского, «Верная рука» – трактат об искусстве боя, который отец подарил на совершеннолетие, «Вещи чудные, зачарованные» – скорее брошюра, чем настоящая книга, но именно она по большей части меня кормит, стихи Аластиэля Златокудрого... откуда они у меня? Не-э-э-э-эт!!!

Озарение, вспышкой света забрезжившее в мозгу, дало понять, какой я все-таки кретин. Словарь древнеэльфийского, на котором и был написан злополучный свиток с головоломной рецептурой, на днях одолжила у меня Асанта, чтобы составить письмо нелюбимому, но иногда присылающему деньги папочке высоким слогом, оставив равноценную замену проклятой книге! И теперь мне абсолютно точно нечем будет угощать симпатичную полуэльфийку, которая должна прийти сегодня на ужин! Суп из златолиста, сваренный мной по хитроумным рецептам перворожденных, которые я вычитал во взятом напрокат из городской библиотеке свитке, из-за неправильно понятой рецептуры своим неподражаемым ароматом похож на носок дохлого гоблина! А ведь он был призван играть роль первого (и единственного!) блюда, после которого действие, по моим расчетам, должно было плавно сместиться в спальню. Но теперь угощать весьма капризную ведьмочку мне будет нечем. На леднике остался только не совсем свежий хлеб, несколько яблок и кувшин с пивом. Нет, есть еще бутылка дорогого вина, но она уже стоит на столе в комнате, за неимением лучшего считающейся в моей башне парадным залом. И прикупить что-нибудь еще я не успею: солнце уже должно сесть, лавки давно закрылись, да и денег после покупки всех экзотических ингредиентов, необходимых для эльфийского блюда, осталось ровно столько, чтобы дожить до начала следующего месяца и соответствующей выплаты из магистрата. Если, конечно, какая-нибудь халтурка не подвернется. Бездна! Да о чем я думаю?! Мои долгие ухаживания за единственной в этой дыре молодой симпатичной и незамужней женщиной, обладающей даром, пошли прахом, а в голове такая чушь! Осталось же достаточно для еще одной порции. Еще есть надежда...

– О, Господин Света, сделай так, чтобы удалось, – воззвал я к небесам, впрочем в душе вполне понимая всю тщетность такой попытки. Мой род с богами, а особенно их служителями, не ладил.

Рука щедро закинула все оставшиеся ингредиенты в колбу, которую я приспособил для опытов после того, как сварил целый котелок отвратно воняющей мерзости, которую супом постеснялись бы назвать даже в тюремной кухне.

Жидкость забурилась, переваривая подачку. Ногти на руке до крови впились в ладонь. Ну пожалуйста... ну... ну...

Тонкий и пока еще слабый аромат, вызывающий желание немедленно открыть окно и выпрыгнуть в него, позабыв про высоту, отделяющую алхимическую лабораторию от подножия башни, достиг моих ноздрей.

– Бездна! – Тонкий налет шелухи слетел с могучей души потомственного варвара, и некоторое время жилище городского чародея, должность которого я занимал вот уже целых четыре года, слушало своими стенами потоки нещадной брани.

– Хорош! – радостно сказал кто-то у меня за спиной сухим старческим голосом. – Не понимаю, правда, чего ты так яришься, но хорош! Вылитый я в молодости.

Моя голова медленно, с ясно слышимым скрипом повернулась, и глаза уткнулись в полупрозрачный силуэт. Призрак худого, но плечистого старика, облаченного в роскошные, но порванные и запачканные чем-то темным одежды, парил в двух шагах и радостно скалился.

– Опять явился, – с тяжелым вздохом констатировал я, складывая пальцы щепотью, призванной отображать... не помню что, но что-то важное. Во всяком случае, эту распальцовку даже совсем дремучих крестьян в церкви заучивать заставляют. – Изыди! Именем Господина Света, изыди!

Объект воздействия священных сил заколебался: слуга богов, равно как и некромант, из меня аховый, но на такую малость, как изгнание беспокойного духа, обычно хватает. Если амулетами не пренебрегу. Каковых сейчас, естественно, не было. Впрочем, даже если бы я обвешался побрякушками, как шаман орков, это не помогло бы. Призраки довольно сильно

разнятся по своей силе, и от чего зависит градация мощи этого вида неуспокоенных, магами пока не выяснено, но одно известно точно: чем больше их вспоминают, тем они могущественнее. А покойного короля, который перед смертью почти успел стать императором, все годы после его убийства поминали часто. Такого даже гранд некромантии не развоплотит, если только запечатает куда... а было бы неплохо. Достал он меня уже.

– Прекрати! – Призрак, естественно неразвевшийся, на что, признаюсь, была тайная надежда, оказался очень зол. – Как ты смеешь так поступать с отцом?!

Давняя обида всколыхнулась в моей душе.

– Не трогай папу, – велел я, давая выход скопившемуся в душе раздражению. – Баронет Лоон был очень достойным человеком. И не тебе, нежить, марать его память.

– Не зли меня, сын, – насупилось привидение убитого короля. – Я, конечно, понимаю, что ты привязался к этому кастрату...

– Изыди из дома, зло! Изыди из жилища, тьма! Изыди из стен сих, смерть! – Где-нибудь еще, вне своей башни, я бы не смог повернуть этого фокуса. Но сейчас-то вокруг меня, дипломированного чародея, весьма могущественного, пусть и не слишком опытного, вздымались стены, успевшие за годы жизни стать родными. Моя энергия пропитала их, и теперь они служили резонаторами для дара волшебника, превращая довольно скромное заклинание, ограждающее от неуспокоенных, которых в последние годы появилось чересчур уж много, в настоящую стену, защищающую небольшой участок нашего мира от потусторонних сущностей. Во всяком случае, на какое-то время.

– Я еще вернусь, – посулил призрак короля и истаял.

– Конечно, вернешься, папочка, – зло хмыкнул я. – Эх... угораздило тебя в молодости сделать бастарда... а потом в старости сдохнуть не той смертью не в том месте. А я мучайся теперь...

Давняя злость наложилась на раздражение от фиаско с эльфийским супом и превратилась в нечто совсем уж взрывоопасное. Пожалуй, лучше бы Асанте немного опоздать, а то ведь и сорваться могу. На нее. А призраку только того и надо. Он уже проел мне плешь просьбами о продолжении рода. И возвращении его на фамильный трон. Иначе этому покойному почти императору, видите ли, никогда не упокоиться. Хорошо, хоть он заявился ко мне в гости, когда я уже немного подрос и успел распробовать радость общения с противоположенным полом, – иначе, видят боги и демоны, celibat бы принял. Пожизненный. Чтобы этот гад, прощелкавший семью, королевство и жизнь, целую вечность страдал!

Звук гонга раздался в лаборатории, свидетельствуя о том, что долгожданная гостья все же пришла, и я, ругаясь сквозь зубы в адрес предков, один из которых порядком отравляет мне жизнь, принялся сдирать с себя запачканный и прожженный халат, чтобы облачиться в парадную мантию.

«Никогда больше не буду спускаться по крутой винтовой лестнице, одновременно пытаюсь затянуть тесемки своего одеяния, – решил я, срываясь с одной из ступеней и левитируя на одной голой силе, чтобы не пересчитать носом оставшееся до земли расстояние. – И верить подозрительным манускриптам тоже не буду... никогда. Или, по крайней мере, пока опять деньги не появятся. И смазливых полуэльфик в гости приглашать... пока кухаркой не обзаведусь. Бездна с супом из златолиста, но хоть обычный-то должен в башне быть! Маг здесь живет все-таки или побирушка подзаборная?»

– Входите! – торжественно провозгласил я, принимая величественную (будем надеяться) позу и косясь взглядом в отполированную поверхность висящего на стене кавалерийского рыцарского щита, с которой с немалым трудом были убраны девиз и герб. Порядком износившийся элемент доспехов для своего основного предназначения, отражения ударов, уже давно не годился, проржавев насквозь, но с помощью толики магии мне удалось создать из него прекрасный заменитель зеркала, одновременно придав прихожей благородный вид

и сэкономив на жутко дорогом творении стекольщиков кругленькую сумму. Небольшой полудрагоценный камешек, размещенный над створками в обрамлении медных нитей, засветился, посылая к ручкам волну магии, и двери, будто открытые невидимым дворецким, медленно и торжественно, словно крепостные ворота гордой крепости, распахнулись. На более быстрое открывание у моего артефакта банально не хватало мощности. Но об этом никто не знал.

– А почему во множественном числе? – подозрительно осведомилась девушка, оказавшаяся снаружи. – Ты ждал кого-то еще?

Тщательно уложенная прическа, свободная белая блузка, очаровательно топорщащаяся двумя симпатичными холмиками на груди, довольно короткая, обрывающаяся на добрую ладонь выше ступней, облаченных в синие щегольские сапожки, юбка, небрежно зажатый под мышкой злополучный словарь... проклятье! Мои планы на вечер и, главное, ночь явно могли встретить полное понимание и поддержку. Но этот ужин, сожри его демоны и отравись при этом... Лишь бы она не учуяла запаха с кухни. Иначе после ухода такой красотишки придется с горя выпить вино самому и догнаться пивом. А последствия такого запоя станут ужасными даже для потомственного варвара, невзирая на унаследованное от предков, чтобы они в могиле смиренно лежали и, главное, оттуда не вылезали, здоровье.

– Асанта, как ты могла такое подумать, – в притворном ужасе возмутился я, загоня ярость поглубже и доставая взамен порядком запылившееся знание этикета.

– Ой, а это что? – Носик шагнувшей в башню полуэльфийки сморщился, а глаза, напротив, распахнулись. – Суп из златолиста?!

– Он, – сознался я раньше, чем успел подумать, и внутренне обмер. Неужели ЭТО хваленый эльфийский деликатес? И я его приготовил правильно?! Нет. Нет. Нет, не может быть, потому что быть не может. Это варево палачам инквизиции продавать можно: сунуть миску под нос обвиняемому – и он сам во всем признается, лишь бы его быстрее сожгли.

– Ты с ума сошел! – На лице Асанты появилось какое-то мечтательное, восхищенное выражение. – Это для меня? Для меня ведь, да?

Полуэльфийка напоминала не взрослую темную волшебницу, проще говоря, ведьму, между прочим, уже не первый год ищущую для стражи преступников по оброненным ими на месте их деяний вещам, а потому навидавшуюся всякого, а юную девочку, неожиданно-негаданно попавшую на королевский бал. Тьфу-тьфу, не сглазить бы, а то еще заявится венценосный призрак и спугнет. Надо все-таки найти его труп и снести – не некромантам, так священникам, – надо. Да все руки не дойдут через полстраны в проклятый город тащиться.

– Ну... – Я замялся, не зная, что ответить, и судорожно вспоминая уроки об особенностях строения иных рас, полученные в ордене. Эльфы вроде бы обладают несколько отличным от людского, более острым обонянием... Но, боги, тогда она уже должна была развернуться и бежать отсюда! Или... нет, не может быть. Неужели для нюха перворожденных этот смрад ПРИЯТЕН?

– Откуда? – Асанта до сих пор не успокоилась. – Где ты достал златолист, сумасшедший?! Он же стоит дороже своего веса в золоте, потому как на эликсиры восстановления магических сил идет!

Да? Ой, я лопу-у-ух... повезло заполучить пучок такой ценной травы и так бездарно ее потратить. А я еще удивлялся, чего тот травник так настойчиво сует мне эти чахлые стебельки в руки за свое спасение от заражения крови... Знал бы – наладил с ним бизнес по продаже этого растения, раз оно такое ценное и почти под боком растет. Хотя это я еще успею. А пока надо пользоваться.

– Ты его стоишь. – Чуть наклониться вперед и принять у растерявшейся ведьмочки книгу. – Одна твоя улыбка для меня дороже всех сокровищ мира.

– Ты – прелесть. – Девушка впилась мне в губы поцелуем, и на некоторое время я оказался на небесах. Вернула оттуда необходимость дышать и чуть отстранившаяся Асанта. – Но теперь я просто обязана дожидаться, пока он настоится и выветрится. Думаю, утром его уже можно будет попробовать...

И вновь потянулась губами вперед, но вдруг вздрогнула и скосила глаза куда-то вниз.

– Что? Что это?! – спросила она каким-то жалобным голосом, и тут ноги Асанты подкосились, и, чтобы она не упала, пришлось схватить ее за плечи. Скосив глаза туда же, я замер, отказываясь верить увиденному. Из груди полуэльфийки, почти точно посередине меж обтянутых белой тканью грудей, торчал кончик клинка. Черного цвета. Фирменной визитной карточки гильдии ассасинов.

Реакция у меня хорошая – чародеи с плохой реакцией долго не живут. Но на ближайшей дистанции опередить опытного убийцу может только мастер клинка, которым я не был. А значит, если только заказ был не на девушку, мне конец.

– Дверь! – заорал я, выпуская из своих объятий труп, и артефакт немедленно начал закрывать створки, открыть которые без тарана или архимага не представлялось возможным. Но тот, кто метнул убивший Асанту кинжал, уже был внутри и издевательски медленно шагал вперед от захлопывающихся створок. Черный плащ с щегольским алым подбоем, скрытое капюшоном лицо в полумаске и черный клинок в руке. Точно такой же, как тот, который он кинул с улицы через неосмотрительно не закрытый мною проем.

– Сдохни! – Моя ярость набухла на кончиках пальцев, успевших испачкаться в крови девушки, лоскутами алого, жадного пламени и рванулись вперед, чтобы испепелить свою цель. Но они бесславно рассеялись в воздухе, стоило им подлететь к ассасину. – С каких пор в вашей гильдии служат инквизиторы?! – зло выкрикнул я, отступая в сторону лестницы и напрягая свою волю, для того чтобы использовать чары непрямого воздействия и попытаться забросать врага материальными предметами. Ничто иное, кроме амулета искореняющих ересь слуг Светлого Господина, не могло дать такого эффекта. Разве что броня из чешуи дракона. Хотя ее под плащом не спрячешь.

Но убийца мне не ответил. Он все так же вроде бы неспешно, но на самом деле очень быстро, шел к своей жертве, с изяществом уворачиваясь от разного хлама, который в него летел. К сожалению, я не был мастером в этой области магии и не мог двигать предметов, находящихся от меня дальше чем в трех шагах. А потому дождь из предметов обстановки был, по правде говоря, весьма жидким и не очень-то и опасным. Даже обычный латник в крепких доспехах уцелел бы под ним, отделавшись синяками.

В панике я оглянулся, чтобы не споткнуться о первую ступеньку лестницы, ведущей наверх. Там, в лаборатории, кроме супа есть немного кислот, которым амулет инквизитора не помеха...

Зря я это сделал. Левую ногу, на которую в тот момент и приходилась основная масса тела, резануло болью, и призрачные шансы спастись от ассасина, вытряхивающего из рукава своего одеяния новый кинжал взамен того, что засел в моей лодыжке, истаяли как дым.

Помяни демона – он и придет. Дух, соткавшийся из воздуха почти над телом Асанты, мгновенно сориентировался в обстановке и негромко присвистнул. Сквозь его прозрачное тело немедленно пролетел брошенный на звук клинок – и лишь затем убийца развернулся, дав мне лишние несколько мгновений, выгаданных у смерти. Спасибо тебе за это, отец. Сейчас, перед тем как лишиться того, чего ты уже давно лишен – жизни, – я готов согласиться со многими из твоих слов. Но своей исковерканной судьбы я тебе и на том свете не прощу!

– Сдохни! – сказал то ли ассасину, то ли инквизитору призрак, вытянув в его направлении руку с каким-то предметом. Голова убийцы брызнула во все стороны плотью, а из-под одежды падающего тела выбился амулет Светлого Господина.

– Что это?! – Профессиональная для всех магов жажда нового заставила на миг забыть даже о боли в ноге.

– Семейный секрет, сына, – хмыкнул дух, пряча в своем прозрачном теле какой-то угловатый черный артефакт, который немедленно выпал из нашей реальности. Пространственный карман... силен предок. Учился бы магии – наверняка стал бы преотличным некромантом. И был бы сейчас не призраком, а личем. Или не был. Над телом изучающего пути смерти даже самый тупой проведет все, какие только можно, ритуалы, а потом сожжет его. – Семейный... а кто эта девушка? Она жива? У вас с ней что-то было?

– Нет, но могло бы быть, – простонал я, неловко дернувшись и задев торчащим кинжалом о ступеньку. Рану начинало печь. – Моя лаборатория, набор противоядий в ближайшем к входу столе лежит – неси быстро.

– Ты как с королем разговариваешь, щенок! – возмутился дух, но потом, видно, что-то понял. – А-а-а, клинок отравлен. Сейчас.

И действительно. Обернулся он мгновенно, воспарив к потолку и спустя всего несколько ударов сердца вернувшись вниз.

– Пятое покушение, – сказал он, наблюдая за тем, как я обрабатываю рану. – Так и будешь в своей башне сидеть? Прихлопнут же рано или поздно. Вот хотя бы не мужика пошлют убивать тебя, а бабу смазливую. Ты ж ей сам двери-то и распахнешь, а потом нож в брюхо... или спину. Наутро, когда крепко спать будешь, чтобы уж наверняка. Да и за девочку отомстить надо бы – красивая она. Была.

В его словах был некий резон, как пришлось мне признать. С тех пор как в королевстве наступили смутные времена, бастард короля, пусть непризнанный, пусть и ставший магом, а потому по законам не имеющий прав на трон, оказался фигурой, устранить которую было выгодно многим. Пока спасала удаленность от столицы, умение неплохо владеть клинком, отличные знания боевой магии, осторожность и хаотический распорядок дня, не дающий подготовить ловушку где-нибудь кроме башни, где волшебникам, как известно, и стены помогают.

– Буду, – кивнул я, заставляя плоть зарастить рану и кидая взгляд на труп девушки, из спины которого торчала рукоятка кинжала. – Если воспользуюсь твоими советами, от которых уже тошно, и найду кого-нибудь из уцелевших соратников короны, чтобы восстановить самого законного из имеющихся претендентов на трон, то что им можно предъявить? Молодого волшебника, не имеющего ни сил, ни опыта, да привидение, подозрительно похожее на умершего короля? Знаешь, если меня прикончат, то пусть уж умру без клейма самозванца – простым бастардом. Но за Асанту я буду мстить, тут ты прав. Если узнаю кому.

– Убей всех – не ошибешься, – кровожадно предложил венценосный покойник. – После того как королевство развалилось, мысли насчет твоего устранения не вынашивал только ленивый. А насчет того, как тебе сесть на трон, да и сам трон тоже вернуть из руин моего дворца... Знаешь, вот ради этого я сегодня к тебе и пришел. Появилась тут одна любопытная возможность. Видел, как я этого ублюдка прикончил? С теми, кто встанет у нас на пути, будет так же! Если все получится, конечно.

Не то что видел – мозги трупа, который сейчас лежит в моей прихожей, едва на лицо не попали. Вот только как это сделано – я не понимаю, хоть убей. Явно магия, но какая? Король, которого мне все-таки упорно не хочется называть отцом, не был чародеем, хотя силу, как и все в нашем роду, имел. И раньше он ничего подобного не творил. И в то, что не хотел, не поверю, пусть мне об этом хоть сам Светлый Господин скажет. Не мог. А теперь вот сумел. Убить того, кто носил на груди амулет инквизитора. А это далеко не каждой нежити по плечу – тут разве что вампир, разменявший не одну сотню лет, справится. Метнет, к примеру, в боевого священника наковальню, так как подойти близко и просто порвать смертного на две половинки божественная защита не даст, разрыв плоть твари

подобно невидимой кислоте. Или просто крупный камень как из катапульты запустит. Придумает что-нибудь, в общем, древние кровососы – твари сообразительные. Магией же продавить божественную защиту сможет, пожалуй, только лич. Если будет долго ходить вокруг инквизитора кругами и колдовать. Привидению, каким бы могущественным оно ни было, подобная задача априори не по плечу. Но тогда мои глаза врут.

– Ты говорил о фамильном секрете, – сказал я и, дошагав до трупа Асанты, закрыл полуэльфийке веки. Как я посмотрю в глаза ее матери, веселой толстушке, на изборожденном лучиками морщин лице которой до сих пор сохраняются следы красоты, привлечшей некогда одного из эльфийских аристократов? Эх, какая бы из нас могла получиться пара...

– Что ты знаешь об Олафе Рыжем? – вопросом на вопрос ответил призрак.

– Тебе пересказать весь ворох сказок, что о нем ходит? – грустно хмыкнул я, вырывая кинжал из плоти девушки и стараясь магией удалить кровь с ее одежды. – Был вторым сыном какого-то там не такого уж и древнего короля, женившегося на варварской принцессе и присоединившего таким образом к стране побережье, занятое на тот момент совсем не цивилизованными племенами. Мне он... прапрадед, кажется. Или еще одно «пра» добавить? А, все равно. Прославился как великий герой, но сгинул во цвете лет, успев перед этим запугать, то есть чего это я – восхитить, половину близлежащих королевств. Его единственный сын в результате мятежа спихнул с трона дядю, и потомки его правили страной, пока не кончились.

– Не кончились! – взвыл мигом расвирепешший призрак. – Ты тоже несешь в своих жилах его кровь!

– Действительно, – с самым серьезным видом кивнул я, заставляя труп Асанты взлететь и улечься на большую тумбочку: до стола телекинезом мне ее было не донести. – Это потомков по мужской линии не осталось. Дочерей же правящего семейства охотно брали в жены разнообразные герцоги, бароны, графы... Да и любовными подвигами Олаф Рыжий славился как бы не больше, чем ратными. Так что сейчас его потомков не найти разве что в рядах темных эльфов. Да и то я в этом как-то не уверен. Мало ли... Так при чем здесь он? Давно почивший герой вряд ли мог даровать тебе какие-то силы. Он и магом-то не был. Так, слегка цивилизованный варвар, проводивший большую часть времени с родичами по линии матери, двуручным мечом, запредельной наглостью, презрением к смерти и полным отсутствием чувства страха. Ну и везло ему еще до безобразия.

– Олаф действительно волшебником не был, – согласился покойный король и прямой потомок легендарного героя. – А вот верховная жрица Змеебога в чарах толк знала...

– Да, мерзкий культ, если верить хроникам, – кивнул я и задумался о том, как бы мне, не выходя на улицу, послать весточку в магистрат. А то мало ли, вдруг у убийцы напарник снаружи имеется. – Как там в балладе о его уничтожении поется? «И пронзил герой колдунью мечом, и вскричала она в иступлении...»

– Там много еще чего поется, – хмыкнул призрак. – Да только в результате... хм... пронзания... моя прабабка получилась.

Я от такой новости даже замер на миг и попытался вспомнить, а что же в моей памяти хранится о жене легендарного героя. Э... не то чтобы я любил историю, но в ордене, где меня учили магии, она была общеобразовательным предметом. И, кажется, в супруги Олаф выбрал себе какую-то мелкую дворянку, которую от чего-то там спас.

– Ну это вроде как секрет правящей династии, – развел руками призрак после уточняющего вопроса. – И тебе, как... кхм... побочному отпрыску, он неизвестен. На самом-то деле наш предок вовсе не был тупой горой мяса, рубящей в капусту волшебным мечом все, что ему не нравится, и трахающим все, что нравится. Он таким только притворялся. И надо сказать, весьма успешно. Каждый его подвиг был тщательно продуман, и в половине слу-

чаев успех невозможному, казалось бы, деянию приносила изошренная магия супруги, тайно следовавшей за мужем. Но в балладах, как ты понимаешь, об этом нет ни слова.

– Подожди, подожди, – запротестовал я, вспоминая сведения о культе Богозмея, после разрушения героем своего главного храма сильно ослабнувшем, но не исчезнувшем совсем. – Как это могла образоваться такая пара? Верховная жрица обладает же почти абсолютной властью над жизнью и смертью своих подданных! Она не могла добровольно захотеть лишиться такого могущества ради какого-то там проходимца с большим... гм... мечом.

– Еще как могла, – не согласился со мной мертвый король. – Если бы ты интересовался вопросом чуть внимательнее, то знал бы, что ее должность становится вакантной каждые сто сорок лунных месяцев, после грандиозного жертвоприношения. И до него ей оставалось не так уж много. Так что Талия Эратская, или, правильнее, Талия-Кобра, приложила к разрушению своей золотой клетки немало трудов, заполучив взамен громадного питона, который должен был ее сожрать живьем, – красавца-мужчину, пусть и несколько ветреного. Ей это ничуть не мешало наслаждаться жизнью и комфортом жены принца, которого эта очень умная женщина подталкивала к трону до самого его исчезновения. Между прочим, это она принесла в нашу семью весьма сильный магический дар, который унаследовал и неблагодарный отпрыск, которого я сделал жене одного калеки, лишившегося права называться мужчиной после попадания в плен к кочевникам.

– Отца не трогай, – мгновенно насупился я.

Именно баронет Лоон, муж моей рано умершей матери, из-за травмы неспособный продолжить род, стал для меня олицетворением семьи. Его руки, голос, первые уроки фехтования, верховой езды, чтения... и боль разлуки с ним. Сначала, когда по приказу короля, ни разу в жизни не видевшего бастарда и знавшего о нем только с чужих слов, меня отдали в орден Железной Волны, сделав, таким образом, непригодным по закону к восшествию на престол, я возвращался в родное поместье лишь на три коротких дня в году. И так уж случилось, что в то лето, когда внезапно умер мой приемный отец, лимит уже оказался истрачен. Потом получилось только на могилу приехать, да и то задержаться на фамильном кладбище не дали новые хозяева феода – какие-то дальние родственники баронета, про которых раньше и не знал, что есть такие. Увы, но, по существующим в большинстве стран законам, магии – это отдельное сословие, пусть временами отдельные его представители и могут сравниться в мощи с правителями. А значит, и наследовать феодов они не могут. Ни королевства, ни отчего дома, пусть даже в нем и было проведено все детство.

– Я твой отец! – выпятил прозрачную грудь мертвый король.

– Сказал бы я, кто ты, но призраку морду набить не получится. – Семейная «вежливость» тоже была характерной чертой, которую передал венценосный варвар своим потомкам. – Даже если некромантию изучу. Так как же связаны тайны правящей семьи, Олаф Рыжий и твоя не пойми откуда взявшаяся сила?

– После убийства Талии Эратской сторонниками предыдущего короля от нее в тайных подземельях дворца осталось немало артефактов, – пожал плечами дух. – Записи, склянки, из которых давно испарились эликсиры, алтарь... ну и прочая дребедень весьма могущественной темной ведьмы. И именно там я провожу почти все время после своей смерти. Спокойно там как-то, не то что наверху.

– Угу, – согласился я с ним, примерно представляя, что сейчас творится на месте бывшей столицы. – Кстати, а как ее убили? С волшебницей такого ранга это сделать ой как непросто...

– А как ты думаешь, за что слуги Светлого Господина нас не любят? – ухмыльнулся призрак. – Потом найдешь историческую литературу, узнаешь, какой кадровый голод у них образовался после насильственной смерти матери нового короля. И поверь мне, прадед казнил всего двух-трех заговорщиков, которым повезло спастись от ее проклятия. Но я

не об этом. Вот буквально только что рядом с алтарем Богозмея открылся какой-то странный портал, и оттуда выпал человек. Причем на руке у него был один очень узнаваемый перстень, который имеется на всех портретах Олафа Рыжего.

– Что, легендарный герой вернулся? – не поверил я. – И где же его носило столько лет?

– Да нет, – пожал плечами мертвый король. – Он, наверное, давно сгнил. Но это его прямой потомок и, следовательно, наш с тобой родственник. Оказывается, Талия-Кобра перед смертью вплотную шагнула к созданию межмировых порталов. И даже сделала первый артефакт, способный на их открытие.

– Значит, это была первая женщина-архимаг... Эх, если бы добраться до ее записей, – вздохнул я, на миг забыв о окружающем мире. – Жаль, что это невозможно.

– Не скажи, – покачал головой призрак и достал из себя тот самый угловатый предмет. – Вот смотри-ка, что я получил у этого родственничка. Кирасы и головы, как выяснилось, дырявит только так.

– Кирасы? – поднял я вверх одну бровь.

– Ну скучновато мне все время в одном и том же ходить да крыс пугать, – пожаловался мертвый король. – Вот и надеваю на себя то лохмотья какие, то доспехи уцелевшие...

Рассказ духа и улаживание всех последствий нападения заняло довольно много времени, но вечер еще не успел смениться ночью, как я оказался в здании магистрата, где срочно собравшиеся отцы города начали обсуждать происшествие.

– Но как же так? – Глава городской стражи барон Лигорь выглядел откровенно расстроенным. – Асанта мертва. Ты ранен. И все это натворил всего лишь один ассасин? Нет, не верю. Не верю, и все!

– У него было вот это. – В моей руке закачался на своей цепочке амулет инквизитора, снятый мной с шеи его владельца. – Думаю, не нужно пояснять, какими свойствами обладает подобная вещица.

Настоятель монастыря великомученика Агастера епископ Фанут, присутствовавший на собрании магистрата, начал громко и долго ругаться. Святого отца можно было понять. Если знак отличия искоренителя зла и ереси попал в чужие руки, значит, тот, кто обязан был его носить, скорее всего, мертв. Обокрасть профессионального воина церкви, точнее, избавить его от основного орудия труда и знака отличия по совместительству было занятием ну явно очень непростым. Хороший он все-таки человек, этот настоятель, бывший наемник в прошлом и глава всего городского клира в настоящем. Пусть и слуга Светлого Господина. Среди них, надо признать, доля сволочей не выше, чем в любой другой структуре, облеченной немалой властью. Но и не ниже. То есть один к одному в лучшем случае. Наверное, этот уже седой, но еще крепкий старик истинно верует в то, что говорит. Не прямо сейчас, а вообще. В частности, когда читает проповеди. И очень надеюсь на то, что ему неизвестна политика церкви в отношении магов, которых следует устранить. Я вспомнил то, о чем перед самым моим уходом из башни в магистрат рассказывал мертвый король, и внутренне скривился в гримасе отвращения.

– Храмы и маги всегда рвали друг у друга из зубов право на единоличное совершение чудес, – бормотало привидение, раздевая труп убийцы в поисках каких-либо отличительных знаков и не находя последних. – Для истинной божественной мощи почти нет преград, но в дело она идет не просто редко, а очень редко. Потому жрецы любых культов хитрят. Их молитвы, сынок, – наполовину как минимум это просто магия, да ты и сам знаешь. Оставшаяся часть приходится на воззвания к слугам их божества, этакому своеобразному варианту демонологии. В делах, связанных с борьбой за власть, наследничек, слуги Светлого Господина тоже, бывает, пользуются не совсем подходящими адептам добра и света методами. В частности, чересчур могущественных и мешающих лично им чародеев они, случается, устраняют при помощи вот таких вот ассасинов с амулетом инквизитора на шее. Меха-

ника дела проста. В гильдию убийц – эх, жаль, недожег я их змеиное кубло в свое время, – некие анонимы, которые лишь конечные звенья длинной цепочки, доставляют щедро оплачиваемый заказ. Если жертва – могущественный маг, то мало кто за него возьмется, ибо своя шея дороже. Но вот если с золотом будет небольшая приписочка, где имеется информация о местонахождении какого-нибудь заслуженного, но одряхлевшего вконец инквизитора, то это совсем другое дело. После кражи амулета у воина церкви артефакт сохраняет свои свойства еще где-то месяц, и на этот период убийца становится для магии почти неуязвим, а значит, нередко умудряется помимо основной цели еще пяток побочных без особого риска на тот свет отправить. А это не просто большие, а очень большие деньги. Справедливости ради надо заметить, что гильдия убийц, равно как и многие другие, и сама не прочь ограбить и убить инквизитора, но с молодым и полным сил, к тому же всегда окруженным своей командой, это провернуть не так-то просто. А вот ушедший на покой старик, растерявший силы в борьбе со злом и возрастом, – относительно легкая цель. Но, как ты понимаешь, информация о том, где проживает подобная личность, является большим секретом. Специфика работы, понимаешь ли. От выживших благодарных клиентов, а также их друзей, родственников и просто наемников частенько прятаться приходится. Ею и одновременно суммой, нужной для найма опытного ассасина, располагают лишь высшие иерархи слуг Светлого Господина. И именно они стоят более чем за половиной подобных наймов – уж поверь тому, кто когда-то имел лучшую на континенте, если только не во всем нашем мире, тайную службу...

– Аксимилиан, ты слышишь, о чем я говорю? – подозрительно осведомился барон.

– Нет, – честно сознался я, отвлекшись от невеселых дум о взаимоотношениях церкви и гильдии убийц. А потом не колеблясь соврал: – Прошу меня простить, но кинжал, попавший мне в ногу, был отравлен, так что я сегодня буду несколько не в форме.

А то еще навесят поиск поделщиков ассасина, буде таковые найдутся. Ну уж нет уж. Помощники настолько квалифицированного специалиста по отнятию жизни, если они у покойного, конечно, имелись, уже схоронились так, что их не отыскать даже армии демонов, вздумай она напасть на город. Если, конечно, они еще в нем, а не удрали, спасаясь от стражи и выходя из радиуса действия поисковых заклинаний, которые гипотетически можно было бы применить. Гипотетически – потому что улики вроде крови или волос, по которым специалист мог бы отследить тех, кто их оставил, нет. Да и лучший специалист всех окрестных земель теперь лежит в морге и дожидается родственников.

– Беспрецедентный случай... – огорченно захохотал было представитель торговой палаты, которого все за глаза звали Индюком, но осекся под десятком, по числу присутствующих на собрании магистрата, глаз. Все-таки какой контраст между внешним видом и сущностью. Толстяк внешне очень забавный, кажется, и мухи не обидит... А на самом деле хватка у него такая, что стоило бы звать Волком. Или Вампиром. Не знаю уж, у кого из них крепче челюсти.

– Предпоследний раз мэтра Аксимилиана пытались отправить на тот свет всего лишь зимой, – удивленно сказал пожизненный мэр и, по сути дела, хозяин города герцог Колвин. До войны Хаоса его предки владели этой землей, но после нее их позиции пошатнулись настолько, что аристократам пришлось стать не самыми главными, а лишь одними из претендентов на роль местных лидеров. Однако отец нынешнего главы города сумел заручиться поддержкой одного мертвого короля, тогда он, впрочем, был еще вполне себе живым, и восстановил свой статус, унаследованный позже сыном. – Да и до этого прецеденты имели место в большом количестве, вот хоть тот инцидент прошлой осенью...

– Но в тот раз никто не погиб, – возразил ему торговец. – Исключая нападавших конечно же.

– Ну если смотреть с этой точки зрения, то вы, несомненно, правы, – задумчиво пробормотал настоятель монастыря. – Увы, Светлый Господин приблизил к себе Асанту задолго до окончания отпущенного ей эльфийской кровью ее родителя срока. Ведьма же сия хоть и была не самой лучшей прихожанкой, но в целом у церкви не было к ней претензий. Жаль, мэтр, что допустили вы смерть сию...

– Рано или поздно кто-то должен был пострадать, – с искренней горечью вздохнул я. – Это неизбежное последствие моей работы. Асанту жаль, но у хозяина башни городского мага всегда хватает врагов.

– А у такого принципиального и подавно, – в унисон вздохнул начальник городской стражи. – Мне, конечно, жаль одну из лучших своих подчиненных, но, как бы ни цинично это звучало, лучше она, чем ты. Господа, после того как Аксимилиан занял свой пост, наш город изменился к лучшему. Одна только расправа с Детьми Хаоса чего стоит, а ведь мы не выследили бы этого культа сами...

– Рано или поздно вы схватили бы чернокнижников, – возразил я ему, пожав плечами и абсолютно не собираясь признаваться, что на собрание практикующих человеческие жертвоприношения колдунов я попал случайно. Культисты, много их развелось после войны Хаоса. Еще Олаф Рыжий помимо храма Богозмея еще десяток сект развалил, да и после него их душили не жалея сил, но все равно и поныне некоторые рискуют заигрывать с наводнившими наш мир силами ради быстрого достижения личной власти и могущества. Бывает, им везет. Каждому десятому примерно. А остальных уничтожают если и не стражи закона, то объекты поклонения точно. Демоны слишком часто вгрызаются в руку, которая их кормит, а отдернуть вовремя конечность успевают немногие.

В тот раз, когда мне не повезло столкнуться с последователями если не самой могущественной, так самой известной и многочисленной секты, Детьми Хаоса, я просто охотился за партией контрабанды, которую ввезли в город мимо стражи, но не мимо сигнальных амулетов, и во время пути по канализации не туда свернул. В результате вместо склада с кучей добра, которое мне бы пригодилось куда как лучше, чем нечистым на руку торговцам, нарвался на слуг демонов. И подтвердил высокое звание боевого мага ордена Железной Волны, превратив пятерку отнюдь не новичков в деле плетения чар в пятерку трупов разной степени сохранности. Правда, при этом заживо сжег их вроде бы еще живую жертву и обвалил своды канализационных стоков едва ли не в целом квартале, но это уже мелочи. Зато как меня потом чувствовало население вообще и магистрат в частности... Свой пост, тогда еще временный, одним этим поступком я сделал постоянным. А ведь была опасность, что попросят освободить постройку, пригласив кого-нибудь более подкованного, к примеру чародея из Алого Пламени. Но после уничтожения шайки колдунов в данном регионе престиж ордена Железной Волны взлетел к небесам, несмотря на имеющиеся у моих собратьев по волшебной альма-матер недостатки, главным из которых является слабое владение всем, что не относится к бою. Да, мы не теоретики. Мы – практики. Очень хорошие практики. Лучшие со времен войны Хаоса. Но только потому, что спорить с магами ордена Железной Волны опасаются, обитель, в которой я когда-то учился, числится второй. Наша сила – разрушение, и только. Созидать нас не учат, жертвуя большей частью теории ради почти беспрестанных тренировок. Зато каждый, кто выпустился из стен, в которых я постигал искусство волшебства, может за десять ударов сердца метнуть фаербол, способный сжечь тролля, несмотря на всю его живучесть, или запечь рыцаря в зачарованных латах вместе с защитными талисманами. А лучшие из них – вроде меня – способны ударить с такой мощностью по двум-трем разным целям одновременно. И при необходимости повторить процедуру пару раз. А ведь другим волшебникам – все равно, самоучкам, нахватавшимся то тут, то там обрывков знаний, или же полноценным выпускникам других орденов, – чтобы сотворить заклятие вполовину меньшей мощности, требуется как минимум в два-три раза

больше времени. А потому, когда нужен именно боевой маг, зовут тех, кто учился в ордене Железной Волны. А во всех остальных случаях моих коллег, обладающих гонором и силой, но не искусством, стараются избегать.

– Помимо чернокнижников мэтр Аксимилиан нажил немало и других недоброжелателей, – впервые с начала разговора разлепил губы глава гильдии охотников, теребя покрытый слегка светящимися рунами амулет из кости какого-то монстра, красующийся на его запястье. Интересные они все же ребята, эти охотники на чудовищ – немного маги, предпочитают, правда, пользоваться в основном артефактами и примитивными заговорами, но все же имеющие представление об истинном искусстве волшебства, немного воины, из всего оружия предпочитают бронебойные арбалеты, болты которых смазаны ядом, а лучшими умениями вполне официально почитают быстрый бег на дальние дистанции и карабканье вверх по дереву на скорость. После войны Хаоса работы у них стало столько, что они сделались силой, с которой приходилось считаться на городском уровне. Их просто требуется слишком много: чудовища, порожденные последствиями сей войны, – очень частые гости в населенных землях. И разбираться с ними лучше профессионалам, знающим привычки и слабые места если и не всех, так самых распространенных тварей. – К примеру, торговцев дурью на наших улицах теперь не найти даже моим подчиненным, да и профессиональных грабителей как таковых уже давно не видели. Гильдия воров ярким пламенем ведь сгорела. Три раза. Только потом они поняли, что в этом городе им чересчур наглеть не стоит.

– Я тут ни при чем, и вообще поджог чего-либо – это преступление, в совершении которого человек, занимающий пост городского мага, даже заподозрен быть не должен, – с усмешкой открестился я от последнего подвига. И вообще они сами виноваты. Ладно, пусть они сперли мой посох, чтобы подтвердить квалификацию своего нового главы, но вот не отдавать его даже после вежливой просьбы, подкрепленной парой монет, было не самой лучшей идеей. Он дорог мне как память об отце, в сокровищнице которого этот артефакт заваялся с неведомых времен, пока не достался «на вырост» уезжающему на учебу молодому чародею. Теперь у них ни главы, ни гильдии. Пара попыток отомстить, конечно, была, но резальщики кошелеков против боевого мага – это даже не смешно. – Вон вам барон подтвердит.

Начальник городской стражи, у которого работы в последние годы стало намного меньше, с готовностью со мной согласился. А потом подумал и добавил, что ассасина могли нанять и контрабандисты, которым я значительно усложнил жизнь тем, что поставил на воротах усовершенствованные сигнальные амулеты, после которых тайный пронос драгоценных камней и золота стал делом архисложным. Про то, что я эти артефакты не самостоятельно сделал, а еще во время своих скитаний выломал из сокровищницы одного заброшенного замка, который навещал вместе с партией искателей приключений, Лигорь ничего не знал.

– Мм... – завохтал Индюк, который, в отличие от остальных присутствующих, ко мне особой приязни не испытывал, поскольку в силу своего положения имел деловые контакты в том числе и с преступным миром. – Но могу добавить, что благодаря мэтру Аксимилиану наши улицы стали намного светлее, но вряд ли убийцу послал союз угольщиков.

«Зато его вполне мог послать ты, – мысленно решил я, с улыбкой рассматривая торговца. – Вроде бы торговля маслом для уличных фонарей раньше была сосредоточена в руках сидящего здесь толстяка, а когда я развесил на фонарях светящиеся артефакты, которые теперь за отдельную плату отдельно заряжаю еженедельно, кое-кто из здесь сидящих лишился десятка-другого золотых в месяц. Хотя это, конечно, вряд ли. Все-таки толстяк умен и понимает, что против боевого мага силовой путь решения конфликта – не лучшая идея. Если, конечно, под рукой нет дракона. Или кого-то с амулетом инквизитора. Но скорее Индюк свяжется с гигантским ящером, будь он хоть три раза огнедышащим и людо-

едом в придачу, чем пойдет на конфликт с церковью – неминуемый, если появится хотя бы тень подозрения на его причастность к убийству законного владельца амулета. То, что ему грозит в подобном случае, для такого дельца страшнее, чем смертная казнь. Катастрофический урон репутации и как следствие – разорение. Ведь моя основная работа – отнюдь не беготня с посохом наперевес по городским катакомбам и окрестностям при свете горящих фаерболов, как можно подумать. Это процесс установления отношений между волшебниками и теми, кто дара лишен. Как Индюк представляет всех торговцев и в той или иной степени ими командует, так и я являюсь непререкаемым авторитетом среди всех городских магов, обладающих силой. Гоняю некавалифицированных шарлатанов с базарных площадей, пристраиваю тех, у кого прорезался дар, в ученики к кому-нибудь способному дать молодому чародею хоть начала волшебства, ругаюсь с травниками за цены на их сено и с охотниками за стоимость ингредиентов из трупов монстров, разбираю конфликты и помогаю в сложных случаях. В крайнем случае указываю тех, кто может помочь. И меня слушаются, смутьяны редки. Хотя бы потому, что зайди я к ним с посохом и фаерболом – и одним нарушителем спокойствия станет меньше. Магов Алого Пламени, равно как и коллег по ордену, в городе нет, а значит, я априори сильнейший и самый знающий. Во всяком случае, должен быть. Но на самом деле не являюсь, чем несколько не расстроен. В конце концов, какие мои годы? Мне же еще и сотни-то нет, возраст для по-настоящему могущественного мага едва ли не детский.

– Да, вряд ли на меня озлобились фонарщики, которых я лишил работы. – Одними губами изобразил я улыбку. – За этим ассасином, готов поклясться, стоит кто-то из тех, кого я обидел во время исполнения служебных обязанностей.

– А ваша карьера вольного мага? – уточнил граф. – Может ли убийца быть нанят кем-то из тех, кого вы в свое время... обидели?

– У меня до того, как осел на одном месте, не было врагов, – развел я руками. – Во всяком случае, таких. Перехваченный заказ, обида при распределении трофеев или пара выбитых в трактирной драке зубов не стоят подобного покушения... Да и денег у тех, с кем я тогда общался, на наем настолько квалифицированного специалиста просто не хватит. Пару раз имел конфликт с серьезными преступными организациями, но те бандиты, которые могли бы предъявить претензии, уже давно скончались – не от топора палача, так от рук своих поделчиков. Один раз, каюсь, был пойман влиятельным аристократом в комнате его жены, и он вроде бы долго хотел мне отомстить, но с тех пор утекло несколько десятилетий – вряд ли тот рогоносец еще жив. Так что, боюсь, причины, по которым меня хотели убить, следует искать в городе или, по крайней мере, его окрестностях. А потому я бы хотел на некоторое время получить освобождение от своих профессиональных обязанностей, которые, сказать по правде, последнее время сводятся к появлению на банкетах с важным видом, пусканию фейерверков да перепроверке за магами, работающими на здесь присутствующих, их работы. Мне надо бы подготовиться к поиску нанимателя убийцы... и его последствиям.

– То, что вся работа делается без вас, уже само по себе показатель качества работы, – улыбнулся глава гильдии охотников. – Мне такого сделать, к сожалению, пока не удалось... Но, думаю, за годик-другой наш город без вашей магической поддержки не развалится.

– Думаю, настолько процесс не затянется, – уверил я его. Действительно, если призрак вместе с этим родственником родом из другого мира не смогут мне предоставить чего-нибудь, позволяющего усесться на трон в относительно короткие сроки, то брошу всю эту канитель в пасть к демонам и буду жить как жил. Но подготовиться к резкой смене обстановки действительно не мешает. – Кстати, в связи с этим покушением я понял, насколько уязвим для того, кто может сопротивляться действию магии, и решил принять меры по отражению других подобных угроз. Скажите, я знаю, ваши подчиненные умеют ловить некоторых чудовищ и привязывать их с помощью магии работающего в гильдии друида к новым

хозяевам, – какого монстра вы бы посоветовали мне взять? Стоит это, конечно, дорого, но уж я-то не поскоплюсь.

– Надо подумать, – почесал подбородок мой собеседник. – А почему бы вам не завести себе голема?

– Искусством создания каменных слуг владеют лишь маги ордена Алого Пламени, а вы знаете, какие у них с выпускниками моей альма-матер натянутые отношения. Переплатить придется минимум вдвое, да и качество будет не ахти. Так что лучше уж какой-нибудь экзотический питомец, способный сожрать незваного гостя.

А еще лучшие, во всяком случае по количеству имеющихся знаний, человеческие маги мира легко могут заставить свое творение выйти из повиновения и напасть на хозяина. Так что лучше уж какая-нибудь прирученная тварь под боком. И если все же получится занять трон, будет кому трупы неугодных втихую скармливать.

Глава 3

Немного размытый слог и странные термины, часто употребляемые одним из вернейших соратников императора Олафом Уничтожителем, в настоящее время, после компилятивного исследования святых отцов Истринской обители, принято считать взятыми из уже утерянного языка западных варваров, кои проживали за закатным морем до Катаклизма. Засим продолжаю сие жизнеописание, могущее много рассказать о столь достославных деяниях его императорского величества и указать нынешней молодежи истинный пример благочиния и чистоты духа.

Ну и на что, спрашивается, он так обиделся, когда якобы правдивые сведения о себе прочитал? Ведь действительно варвар, правда, совсем не оттуда. И вообще пугать летописца, расспрашивая о том, где лучше расположить систему залпового огня, чтобы накрыть сразу весь его монастырь одним попаданием, герцогу, герою империи и обладателю еще кучи титулов, которых даже я не упомяну, не следует.

(Запись, начертанная рукой императрицы Селес, находящаяся на последней странице биографии Олафа Уничтожителя. Что странно, других источников, описывающих жизнь этой выдающейся исторической личности, в нашей стране нет до сих пор)

Олаф, неудачливый торговец оружием

Маленький, довольно приличный магазинчик – нечто среднее между микросупермаркетом и оптовым складом. Во всяком случае, на длинных, устремляющихся в темноту полках наличествовало все или практически все – от тампаксов и турецкого пива (кстати, почему именно турецкого? И какой смысл было везти его через половину мира?) до противотанковых мин и стрелкового оружия. Приятный такой выбор. Есть где развернуться душе истинного милитариста. В комплект к магазинчику прилагался его хозяин и четыре работника, больше похожие на временно прикидывающихся складскими пьянчужками головорезов. Впрочем, скорее всего, они ими и являлись – уж больно их лица внушали доверие, а от шкафообразных торсов веяло миром и покоем. Небольшое уточнение – вечным. Да и хозяин Лю Фан был фигурой колоритной. Мелкая, как будто высушенная на солнце фигурка, тонкие паучьи пальцы и совершенно не соответствующий образу доброго старого китайского дедушки, приветливо кланяющегося гостю с извечной радушной улыбкой всех торговцев, взгляд. Взгляд не по-старчески ясных глаз выдавал в нем как минимум хладнокровного убийцу, моментально разбирающего любого встретившегося ему человека на винтики и взвешивающего остатки на весах полезности. Клиент – добыча. Извечные качели любого теневого бизнеса.

Вы думаете, какого черта я не сунулся с новоприобретенной цапкой в какой-нибудь более приличный район города и не попробовал продать его в ювелирной лавке или, например, в ломбарде? Ответ прост, как все очевидное: я все еще хочу жить. Информация о сделке моментально просочится, и после этого за свою шкуру я не дам и ломаного цента. Логика обычна – если клиент принес на продажу золотишко или тем более камешки, то не факт, что он пуст и, если не потрясти, из него не высыплется еще что-нибудь интересное. В крайнем случае полученные за проданное деньги тоже пригодятся честным работникам подворотен и темных углов. Но этим шакалам преступного мира может обломиться только в том случае, если рыбы покрупнее не соизволят обратить внимание на чужака, продающего дра-

гоценности на их территории. Именно по этой причине я сразу начал искать более или менее крупного человека, потеря репутации для которого с лихвой перекрывала бы возможный доход от кормежки мной местных акул. И всего примерно за четыре часа расспросов и блужданий я такого человека нашел. Просто надо уметь спрашивать да повариться в подобном соусе более или менее приличное время. Ну и иметь парочку зацепок и нужных людей в этом регионе.

Большеухий Лю был как раз из тех людей, которые знают всех и которых знают все. Занимающийся мелким оптовым бизнесом старик, страдающий ревматизмом и во всем полагающийся на своих внуков. Угу... Только вот внуков у старика Лю было многовато. И собственная пристань с несколькими джонками и двумя быстроходными катерами навела на крамольную мысль, что оптовая торговля рыбой и промышленными товарами является только надводной частью айсберга. Именно поэтому я и нахожусь сейчас в уютном кабинетике, огороженном расписанными драконами ширмами, на втором этаже склада-магазина, прихлебываю великолепный черный чай, расторопно поданный одним из «внуков» старого Лю, и веду вроде бы ни к чему не обязывающую легкую беседу. Только вот тема беседы, а точнее, ее направленность, которую она обрела после нескольких минут рассуждений о погоде и приближающемся сезоне тайфунов, немного покорила бы обычного обывателя...

... – Молодой человек довольно хорошо разбирается в оружии, это похвально. – Чуть прихлебнув из чашки, старик как будто бы на секунду задумался и продолжил: – Но при чем здесь старый Лю? Который уже давно бы с большой радостью отошел от дел, если бы не необходимость вывести в люди внуков и поддержать семью.

– Многоуважаемый Лю, я не могу и одной минуты сомневаться в том, что у столь сведущего человека не окажется так необходимого мне оборудования.

В моей буйной головушке при произнесении этих слов буквально билась мысль следующего характера: «Угу, старый хрыч, – все у тебя есть. По моим наводкам, у тебя закупается чуть ли не половина Триады в этом регионе, во всяком случае «Голубой лотос» точно. Просто ты меня не знаешь, а твои старые кости стали слишком чувствительны к переменам. Хорошо, хоть некоторые общие знакомые нашлись, иначе этот разговор и не состоялся бы. Ну-с, послушаем дальше рассуждения бедного китайца о многочисленных бедах и неурядицах, которые не позволяют ему исполнить небольшую просьбу столь ученого молодого человека».

– К моему сожалению, в моем недостойном магазине нет подобного товара.

«Так, а теперь ход конем». Аккуратно поставив тонкую фарфоровую чашечку, расписанную небесно-голубым узором, на край стола, я с небольшим трудом поднялся с колен и, почтительно поклонившись, произнес:

– Как говорил Кун-Цзы, «Благородный муж винит себя, малый человек – винит других». Большое спасибо, господин Лю, за уделенное мне время, желаю вашему дому процветания, а вам с домочадцами здоровья. – После чего развернулся в сторону ширмы, через которую и был запущен в этот островок спокойствия и размеренности, оформленный в лучших традициях неспешного китайского торгового дела. Но стоило мне только сделать намек на первый шаг, как в спину раздался голос, произнесший совершенно серьезным тоном, без всяческих старческих ноток:

– В наше время редко можно встретить столь образованного молодого белого человека, знакомого с трудами учителя Куна. Но позвольте старому Лю напомнить еще одно высказывание учителя: «Не печалься, что люди не знают тебя, но печалься, что ты не знаешь людей». – После чего голос Большеухого Лю опять сбился на старческие нотки, но уже наполненные дружелюбием: – Присаживайтесь, молодой человек, и давайте еще раз поду-

маем, как семья Фан может помочь вам в ваших чаяниях. Перечислите еще раз, что вам необходимо, а уж старый Лю сделает все возможное...

Буквально через несколько часов я стал счастливым обладателем маленького грузовичка, груженного несколькими деревянными ящиками с оружием.

Хороший оказался браслетик, особенно камушки на нем. Скажу сразу, очень-очень недешевым. Лю долго рассматривал те два предварительно извлеченных из оправы отполированных камешка очень приятной на ощупь полусферической формы. Ну конечно, такая огранка у более чем тридцатикаратных алмазов без видимых дефектов – это не то что большая редкость, это вообще чуть ли не археологическая находка. Алмазы – ведь это не сапфиры, и такая огранка для них применялась только в седой древности. И требовала не только большой тщательности и точности, но и титанического трудолюбия и упорства – ведь алмаз недаром зовется одним из самых твердых камней в мире.

В общем, с моей стороны было очень продуманным поступком производить расчет с Лю предварительно извлеченными камешками. Если бы старичок увидел цацку, так сказать, в сборе, то уж слишком много не совсем приятных вопросов возникло бы. Начнем, например, с художественного оформления браслета. Так как он по виду не новодел, никто в своем уме его разбирать и продавать по частям не станет. И через некоторое время он рано или поздно попадет в руки какого-нибудь ценителя древностей, и вот тогда... Надписи на неизвестном языке, неизвестные орнаменты, украшающие металлическую часть. И самое подозрительное и неприятное, из-за чего золотую часть браслетика я даже и не предлагал Лю, – это то, что на рынке золота, кажущемся таким большим и неорганизованным только обычному обывателю, все – повторяю, все – месторождения золота давным-давно известны, и что самое неприятное – известен радиоизотопный и примесной состав золота из этих месторождений. И как-то не хочется мне отвечать на вопросы, которые будут задавать мне серьезные люди с применением аппаратуры ректально-термального криптоанализа о том, откуда у меня появилось золото, не соответствующее признакам ни одного из известных на текущий момент месторождений золота на Земле. Да тот же самый анализ изотопов рения, обычно применяемый для выяснения возраста коренных пород и метеоритов, наверное, покажет цифры, явно не совпадающие с земными. И петь после этого и соответствующей обработки я буду на разные голоса. Причем, скорее всего, основная ария будет исполняться с писклявыми тонами. Так что после возвращения в наш мир и перед посещением Лю я, поковырявшись немного, извлек все камни и тщательно припрятал оправу в одном интересном месте. Думается, никто не будет искать кусок золота, подвешенный на тонкой леске на глубине более метра к одной из самых сгнивших свай местного пирса.

После окончания торгов и загрузки вооружения один момент немного меня напряг, но вот именно что немного. Я забрался на водительское кресло своего грузовичка и уже думал закрыть дверку, как ко мне подошел Лю и тихим голосом попросился:

– Благодородный муж ни от кого не ожидает обмана, но, когда его обманывают, он первый замечает это. До встречи, молодой господин. Надеюсь, услуги старого Лю вам понравились.

Вот после такого прощания в моей голове и забродили различные мысли о том, что же старик хотел этим до меня донести. Этот лис, переживший не одного своего врага и удержавший позиции в контрабандной торговле на протяжении стольких лет, явно заметил и отложил в своей голове кучу фактов в отношении меня и в отношении предложенных ему для расчета камешков. И этот его намек. Да уже понятно, что старик теперь ожидает, что это была не последняя партия, и скорость проведения сделки и моя нервозность – все это было перед ним как под микроскопом. Ладно, накопившиеся проблемы будем решать позже, а пока необходимо пристроить купленное вооружение и после небольшой проверки пообщаться наконец с заказчиком.

Вот обычному человеку кажется, что аренда склада в портовом городе с не особенно пристальным вниманием к не совсем законным сделкам – это просто. Могу вас огорчить – снять склад, причем склад с нормальным подъездом, в достаточно глухом месте, с наличием хороших подъездных дорог и путей экстренного отхода, – это целое искусство. И обычно занимает довольно приличное время. Да и вдобавок у меня на руках был этот замечательный грузовичок с товаром, от которого не особенно-то и отлучишься. Так что пришлось брать на вооружение не раз опробованный мной метод и, разменяв некоторое количество мелочи, привлечь агентурную сеть. Это, если кто еще не догадался, местная ребяшня, босоногие Джеймсы Бонды, которые всегда знают, кто, куда, и, самое главное, откуда. Просто спрашивать у них надо уметь и ни в коем случае не показывать своего интереса к выведываемой обиняками информации – выдают до последнего цента.

Через три часа, в очередной раз убедившись в действенности примененного метода, я стал арендатором довольно приличного складика, принадлежавшего ранее одной из многочисленных в данном регионе конторок по перепродаже, скорее всего, контрабандных товаров. Неказистое строение из рифленой жести и небольшая двухэтажная пристройка с конторскими помещениями и присутствием, судя по страшным дребезжащим звукам, давно умирающего кондиционера. Вот наличие как раз этого блага цивилизации и было в основном последним камнем на весах моего выбора при осмотре этого помещения. Внутри было, конечно, шаром покати, и вдобавок приличный слой мусора с вкраплениями пистолетных гильз тридцать восьмого калибра доказывал, что с арендой этого места или, что еще более точно, с судьбой бывшего арендатора не все так радужно. Ну да ладно – это были не мои проблемы.

Заведя грузовичок и закрыв ворота склада, с некоторым трудом нашел на стене рубильник освещения. Рукоятка, обтянутая потрескавшимся от времени эбонитом, с недовольным хрустом и громким щелчком все же соизволила повернуться в моей ладони. С громким гудением пространство склада залил свет установленных на потолочных балках светильников дневного освещения. Некоторые лампы принялись сразу же мигать и недовольно пощелкивать – видимо, появление нового хозяина, вырвавшего их из уютных объятий сна, было воспринято ими не особенно положительно.

Забравшись в кузов и откинув крышку первого ящика, я извлек промасленный бумажный сверток и принялся его распаковывать. Через несколько секунд у меня в руках, освобожденный от заводской упаковки, покоился спихнутый мне по бросовым ценам из-за его не особенно большой популярности АКС-74У¹⁰, так называемый «укорот». Сноровисто откинув крышку ствольной коробки и отсоединив пружину возвратного механизма, я извлек затворную раму и критически осмотрел затвор, затем взглянул на ударно-спусковой механизм и только после этого вздохнул с облегчением. Нет, конечно, при приеме груза я проверял несколько экземпляров, в основном лежащих сверху. Но этот автомат был извлечен как раз из самого низа стопки. Видимо, старичок Лю решил, что избавиться от залежавшегося товара, не особенно-то и популярного на рынке вооружений, будет намного выгодней, чем подбросить мне расстрелянные в хлам, покрытые ржавчиной бывшие в употреблении образцы. Или, что скорее всего, этот груз «укоротов» лежал у него на складах столь долгое время, что избавиться от него стало уже просто делом чести.

Ну да ладно. По-быстрому подобрав выставочный комплект в виде двух автоматов, практически в хлам убитой M1 Garand¹¹ (неизвестно какими путями оказавшейся у Лю), трех хоть и китайских, но довольно неплохо выполненных реплик ТТ и заполненной магазинами

¹⁰ АКС-74У – модель АК с укороченным стволом и сложенным металлическим прикладом.

¹¹ M1 Garand – американская самозарядная винтовка времен Второй мировой войны. Первая в мире самозарядная винтовка.

и осколочными гранатами советского производства разгрузки, я с внутренней дрожью навесил все это богатство на себя и, отойдя в центр склада, извлек из наплечных ножен армейский штык-нож.

Аксимилиан. Городской маг

Горели свечи, колыхаясь своими робкими желтыми огоньками под порывами невидимого ветра, металась тень, которых было слишком много для всего лишь двух стоящих в подземной крипте людей, а некромант читал негромкую речь на давно позабытом всеми языке, силясь добиться ответа у тела, лежащего в центре правильного круга, выложенного крупной прозрачной солью.

– Больно, – шептали губы покойника, ненадолго вернувшегося, пусть и частично, в мир живых. – Больно, больно, бо-о-ольно-о-о-о...

Я поморщился: то подобие жизни, которое ненадолго обрел мой несостоявшийся убийца, было начаровано из рук вон плохо: Секрес, пожилой некромант на службе городской управы, был не в настроении, или же просто возраст в полторы сотни лет сказывался. В любом случае воспользовался он настолько простым и топорным ритуалом, что заменить его мог бы любой ученик чародея, не обделенный талантом. И как одно из следствий этого труп испытывал жуткие страдания, и разобрать что-то членораздельное в его словах было сложно из-за многочисленных стонов. Хотя, возможно, старый маг просто мстил убийце своей коллеги, чью работу, несомненно, опытному, но уже далеко не молодому некроманту теперь волей-неволей придется исполнять, потому что замена когда еще найдется, если найдется вообще.

После войны Хаоса законопослушные темные маги стали большой редкостью. Сначала по ним прошлись демоны, впрочем, как и по всем остальным. Потом перепуганные люди изрядно проредили уцелевших, мало обращая внимания на специализацию и не понимая, что рядовой владыка мертвых или, к примеру, химеролог Врат тварям при всем желании не откроет. Демонологов вообще вырезали под корень и только потом сообразили, что они могли бы стать лучшими борцами с порождениями Бездны, и принялись кусать локти. Ну а когда все более-менее успокоилось, насколько этот термин к изменившемуся миру стал вообще применим, выяснилось, что позиции магов вообще и ритуалистов в частности, то есть почти всех из числа заигрывающих с темными силами, прямой контакт с которыми для обычного человеческого существа неизменно фатален, сильно пошатнулись. Места, специально оборудованные для сложных и опасных экспериментов, оказались недоступными, сложные таблицы с расчетами, на которые древние исследователи потратили не одну сотню лет, тоже остались в покинутых городах. Плюс за жертвоприношения разумных, даже преступников, в большинстве государств ввели смертную казнь, борясь с расплодившимися, как грибы после дождя, культистами. А кровь животных – это все же совсем не то...

В качестве финального штриха сыграл тот факт, что ритуальные маги могли колдовать хоть и мощно, но достаточно медленно, а значит, на поле боя с более-менее серьезным врагом без надежного прикрытия, в идеале армии, им делать было абсолютно нечего. Разве что умирать. Поэтому-то мэтры темных искусств испытывали большие сложности с набором учеников, которые предпочитали при первой же возможности забросить преподаваемую им стезю и переквалифицироваться. Асанта, насколько я знаю, стала ведьмой после того, как вдрызг разругалась со своими эльфийскими родственниками, чем-то очень сильно задевшими полукровку. Ее стезя стала своеобразным плевок в глаз перворожденным родичам. Правда, к чести последних стоит сказать, что ошибку они вроде бы осознали и пару раз пытались извиниться под предводительством остроухого отца девушки. Но она отвергала их робкие попытки примирения. И теперь никогда уже не сможет помириться с родителем

и его собратьями. Разве что на том свете, когда ее долгоживущая, но отнюдь не бессмертная часть семейства все же туда попадет.

– Отпу-у-ус-сти-и, – вновь зашелся в полувое-полукрике труп. – Бо-о-ольно-о-о...

Но Секрес продолжал тянуть заклинания, прочно прикрепляя суррогатную жизнь к страдающему телу. На мой взгляд, даже излишне прочно. Упокаивать теперь замучается, а самое главное я уже выяснил. Если покойник вообще поднялся, то он не один из слуг Светлого Господина, да и вообще не жрец светлых богов, а просто убийца, раздобывший амулет инквизитора. Некромант, впрочем, уже заканчивал предварительную фазу допроса. Вероятно, старый маг решил, что теперь объект точно не смоеется обратно за грань смерти и его душу не придется заново вызывать из небытия, растрачивая силы и время.

– Говори, – удовлетворился наконец своей работой Секрес. – Как твое имя?

– Форес. Фо-орес-с-с! – забился в припадке труп, корчась от боли, но не пересекая тем не менее проведенной солью черты. Его руки, словно лапы какого-то насекомого, сгибались в суставах под всевозможными углами с влажным хрустом, стараясь то ли вцепиться в стоящих рядом людей, то ли ухватить что-то видимое только мертвому. – Отпу-усти-и!

– Ты – убийца? – меланхолично уточнил и так известную вещь некрмант, для которого метания расспрашиваемого объекта были делом глубоко привычным и наверняка несколько не отталкивающим.

– Да-а-а! – выплюнул с ненавистью ассасин. – С пятнадцати лет в гильдии! Больно! Отпусти-и!

– Кто заплатил тебе за нападение на меня? – спросил я. – Или твоей целью была девушка, а я просто так подвернулся?

– Ты. Ты. Ты-ы-ы-ы! – зарычал труп. – Заказ пришел. Неделю назад пришел! На мага пришел. От главы гильдии, Ольгреды-Паучихи пришел, с ее личным посыльным! И могила, где буквально только что зарыли какого-то дряхлого святошу с его цацкой, там указана была!

– Значит, ты у нас осквернитель могил, – злорадно хмыкнул Секрес. – Что ж, порадую Фанута – никто из его братьев по вере не сдох, чтобы дать какому-то вшивому убийце защиту от магии. М-да, что ж, голубчик, могу и тебя обрадовать. Твою могилу не осквернят. Не будет ее у тебя: мне как раз новый страж для дома нужен – старый, стервец, подгнил малость... Вот только язычок-то вырву, чтобы не ругался, да парочку подчиняющих плетений навешу. И выйдет из тебя первоклассный упырь!

Точно за Асанту обиделся. Или, вернее, за ее работу, которую теперь придется делать ему.

– Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу-у-у-у! – пуще прежнего забился труп, узнавший, что теперь обрести покой ему светит очень не скоро. Хищная нежить, в которую намеревался превратить его некрмант, была сильна, быстра и достаточно долгоживуща. Лет десять моему несостоявшемуся убийце теперь придется хранить покой темного мага. А если Секрес найдет лазейку в законах и все-таки выбьет себе лишнего приговоренного к смерти узника или просто подкормит тварь каким-нибудь незадачливым воришкой, то и подольше.

– Как найти Ольгреду, ты конечно же не знаешь, – задумчиво уточнил я, без малейшей, впрочем, надежды на положительный ответ. Глава гильдии убийц – не та персона, что любит пользоваться общественным вниманием. И в первую очередь это распространяется на ее непосредственных подчиненных, которых незнание освобождает от соблазна освободить себе место на карьерной лестнице привычным, можно сказать, рабочим способом. Их организация вообще законспирирована так, что даже высшее руководство не знает почти никого, кроме своих личных начальников и подчиненных. Сложная система легкообрываемых связей, сходящихся в руках только у самой вершины руководства ассасинов, была гарантом существования этой весьма непочтенной, но имеющей стабильный доход органи-

зации. Раз к этому тогда еще живому покойнику пришел личный посланец самой Паучихи, личности почти мифической, он был одним из лучших исполнителей. И самых богатых...

Труп подтвердил, что ничего не знает. Все его попытки выследить слуг главы гильдии или ее саму кончались провалом. И никто из тех, кого он знает, не смог этого сделать. Впрочем, он назвал парочку имен, вряд ли настоящих, своих коллег, с которыми ему иногда приходилось совместно работать. И, что в деле опознания убийц куда надежнее, как мог описал их внешность, приметы которой Секрес немедленно законспектировал для передачи характеристик стражникам.

– Ну что, мне его упокаивать? – спросил некромант, когда поток ценных сведений иссяк. – Ничего толкового он, как видно, не знает, а материал хороший, подниму второй раз и действительно упыря сделаю. Работы с ним, правда, много – когти нарастить, кожу уплотнить, голову восстановить... чем ты ее разнес-то так? Моргенштерном¹², что ли?

– Да так, подвернулось под руку кой-чего, – не стал акцентироваться я на ответе. – А еще кое о чем его расспросить можно?

– Да пожалуйста, – пожал плечами некромант. – Хоть до рассвета с ним беседуй.

– Так долго не понадобится, – уверил я его и перевел взгляд на стонущий от боли и ненависти труп. – Ну что, рассказывай, покойничек. Где спрятана твоя кубышка?

Вот ради одного этого вопроса стоило бы научиться некромантии. Стоило бы. Но никак руки не дойдут. Да и противно, честно говоря. Ну не мое это. Не мое. Пусть лучше какая-то часть заначек Сересу уйдет в оплату – все лучше, чем самому с трупами возиться. Грязное это дело. Да и противное, если честно.

Мысленно прокручивая в голове расположение парочки имеющих у убийцы тайников и их содержимое, среди которого никаких уникальных вещиц, к сожалению, не имелось, я шагал домой, окруженный невидимым, но весьма эффективным защитным заклинанием «глаз на затылке», вопреки своему названию никак не связанным со зрением. Просто если к магу приближалось что-то большое вроде человека или слишком быстрое – стрела, например, – то окружавший его воздух моментально сгущался до плотности хорошего дерева. Со стороны казалось, что волшебник заставлял свою цель застыть неподвижно. Даже если ее не видел. Поскольку все существа, имеющие хоть как-то функционирующие мозги, предпочитали нападать на магов преимущественно со спины, то возглас, скорее всего предсмертный, какого-то неудачника: «Да у него что, глаз на затылке?!» – быстро стал вторым названием этого магического щита, очень понравившись чародеям, и постепенно вытеснил первое, которое сейчас только в исторических хрониках и найдешь. Конечно, постоянно под его защитой не походишь, моветон, да и силы тратятся, в толпе или лесу опять же неприменимо, но после почти удавшегося покушения профессиональная и тщательно вскультированная наставниками в ордене параноя упорно не желала полагаться на пассивные методы защиты вроде укрепленной чарами мантии и маршрута, пролегающего по людным улицам. Чувство опасности, выработанное за годы схваток и стычек, упорно твердило о надвигающейся беде, заставляя пальцы нервно дрожать от наполнившей их магической силы, готовой выплеснуться всепоглощающим потоком. Когда уже почти у самых дверей башни заклинание сработало, заставив в неподвижности замереть за спиной нечто, слишком крупное для какой-нибудь бродячей собаки, то разворачивался я с четким пониманием того, что кому-то сегодня фатально не повезет. Злой боевой маг – это страшная сила. Которая ухнула в пустоту.

«Уйду в некроманты, – промелькнула в голове суматошная мысль, пока глаза вылезали из орбит, таращась на такую знакомую девичью фигурку с зажатым в руке кинжалом, лучащимся серебристым светом. – Или в паладины! Второй активный покойник, таскающийся

¹² Моргенштерн – булава с ввинченными в нее стальными шипами.

за бедным мной, – это явно перебор! Во имя всех сил добра и зла, какая сука подняла Асанту? Узнаю – прибью к демоновой матери!»

Танк! Тонк! О сгустившийся перед лицом воздух ударили две стрелы с белым оперением, завязнув в нем, и только потом раздался на диво мелодичный, но явно мужской возглас: – Отпусти ее!

Эльфы. Сначала стреляют, потом разбираются, как принято у всего их ушастого племени. Двое. Молодые. И глупые. А иначе не полезли бы на мага без зачарованных стрел. И лица у них подозрительно знакомые – кого-то они мне напоминают...

– Мм... как же тебя, – обратился я к удерживаемой заклинанием девушке, игнорируя направленные в мою сторону луки с наложенными на тетивы стрелами. Обычные деревяшки мне не страшны. – Ну помню же, на «С» имя... Селес, что ли? Асанта про тебя говорила.

Старшая сестра ведьмочки, похожая на нее настолько, что я ее сначала даже перепутал с покойной, зло зыркала на меня с нарастающей во взоре паникой. Сковавший ее воздух не давал телу двигаться. В том числе и грудной клетке. И перворожденная рисковала банально задохнуться, если чары не ослабнут.

Молодые эльфята – никому из них не было больше полутора сотен лет, уверен в этом – вновь выстрелили. Идиоты. И как у такой умной девушки, как Асанта, могут быть такие тупые родственники? Эти два обормота – без сомнения ее двоюродные братья, сходство лиц и одинаковый орнамент на налобных повязках буквально кричат об этом. Или троюродные племянники. Какая в общем-то разница? Главное, что убивать их нельзя. Заполучу кровную месть на свою голову – и так из-за косвенной вины в смерти полукровки ушастые этого клана на меня теперь подозрительно коситься будут, если нанимателя показательно не покараю. Кстати, а с чего эта перворожденная молодежь на меня вообще накинулась?

Этот вопрос, выраженный в несколько нецензурной форме, я и задал, одновременно посылая в животы горе-снайперов, намеревавшихся выстрелить в третий раз, по выстрелившему из каменной мостовой бульжнику. Небольшому. И летящему очень медленно. Мне надо было не прошибить их насквозь, а лишь настроить на конструктивные переговоры. Ушастики синхронно выдохнули, забавно округлив ранее растянутые в напряженных гримасах рты, и попадали, свернувшись в позу эмбриона. Один даже лук выронил. М-да, кажется, слегка переборщил. Обычно эльфийские воители оружия и мертвыми не опускают. Хотя этим молокососам до профессиональных бойцов, оттачивающих свое искусство убивать сотнями лет, – как мне до трона одного на редкость приставучего привидения.

– Ну и что это, раздери вас бездна, за театр актеров-неудачников? – адресовал я свой вопрос эльфийке, ослабляя чары и позволяя ей двигаться. И дышать.

К чести последней, она не стала глотать воздух, как рыба, выброшенная на берег, а сумев сохранить лицо, медленно опустила руку с кинжалом и лишь потом позволила себе медленно и аккуратно набрать воздуха в грудь, которая весьма соблазнительно колыхнулась при полном заполнении легких.

– Ты причастен к смерти моей сестры! – бросила она мне прямо в лицо. – И ты расскажешь все, что тебе известно!

Тот факт, что комнатная собачка, решившая облаять вервольфа и тем самым обратить его в бегство, имела чуть большие шансы на успех, чем вооруженная холодным оружием девушка против профессионального боевого мага, во внимание этой особой явно не принимался. Уважаю. Так себя вести способны не многие.

– Пойдем, – сказал я и заклинанием велел дверям башни распахнуться. – Поговорим.

– А?... – дернулась эльфийка в сторону своих спутников.

– Тут полежат. А потом постоят, когда разогнуться смогут. Им не вредно. Будут знать, как с боевым оружием на мирных граждан кидаться. Если бы не опознал в твоём ножичке тренировочную дагу Рейнджеров Леса – вообще бы на месте испепелил.

Девушка наконец-то смутилась и кинула взгляд на свое оружие. Вернее, на предмет, старательно им прикидывающийся. Хотя это еще как сказать... Лезвие, сотворенное ушастыми магами из обычной воды, которой придали несколько необычные свойства, убить никого не могло в принципе. Только парализовать и наградить острой болью, стоило ему коснуться кожи. Зато это оно делало надежно, перекрывая даже способности к сотворению чар. И надолго. Идеальное оружие для тренировок, вот только дорогое... И секретом их изготовления перворожденные упорно не делятся. И моделей более солидного размера не выпускают. Но в ордене у нас парочка подобных артефактов, применяемых для безопасного обучения ножевому бою, имелась. Коснись оружие моей кожи где-нибудь в районе шеи – и ушастые могли бы безнаказанно допрашивать человека, который, пусть и косвенно, замешан в смерти одной из тех, кого они считали пусть непутевой, но родственницей. Конечно, ничего непоправимого объекту их внимания, скорее всего, не грозило – здесь не их леса, – но быть банально избитым тоже достаточно неприятно. Ощущения, которые дарят сапоги, пересчитывающие ребра, с лихой и бесшабашной молодости запомнились хорошо, и обновлять их ну совсем не хотелось.

– Проходи, располагайся, вина себе налей, там бутылка на столе вроде бы еще стоит, – махнул я ей рукой, едва двери закрылись. – Чувствую, разговор у нас будет неприятный.

– Я здесь не для того, чтобы пить с... с... с поклонником моей сестры! – зло фыркнула эльфийка, явно в последний момент заменившая просившееся на язык наименование более цензурным эпитетом.

По-видимому, какие-то мозги в этой очаровательной головке все-таки водились. Внимательный осмотр этой части тела, равно как и всего остального к ней прилегающего, заставил меня, несмотря на усталость, вызванную последними событиями, вспомнить, что по меркам магов я еще очень молод. И не женат. Длинная грива светлых волос, среди которых была парочка хитро заплетенных косичек, должных что-то там обозначать, большие, слегка раскосые глаза, чистая кожа без следов каких-либо болезней и в довершение всего высокая грудь, обтянутая зеленым костюмом. Ножки девушки были скрыты от взоров всех желающих на них полюбоваться столь же плотно прилегающими к плоти штанами все того же травяного оттенка. В общем, приятная картинка, что ни говори. И почти полная копия Асанты. Только та косичек не заплетала, волосы имела самую чуточку темнее, да и грудь, кажется, несколько побольше. А может быть, и нет. Оптический обман при определении истинных размеров этой части тела буквально требует более тщательного тактильного анализа. Проводить который, увы, получается далеко не всегда, когда этого так хочется.

– Чего ты так смотришь? – забеспокоилась девушка, понявшая, что находится наедине с недовольным ею молодым мужчиной в месте, являющемся средоточием его магической силы. Видимо, взгляд, обшаривший ее тело, был хорошо ощущаем эльфийкой.

– Да ничего, – отвел я глаза и устало уселся на стоящий в прихожей диванчик, поставленный тут как раз на случай переговоров с теми, кого в глубь башни по каким-то причинам пускать не хочется. Навалилась какая-то апатия: все-таки воспоминания о гибели симпатичной девушки в прямом смысле на руках, невольно освежившиеся при встрече с ее родственниками, – это далеко не самые лучшие ощущения. Да и в горле после визита к некроманту образовалась сухость, долгим беседам никак не способствующая. – Просто устал. Последние сутки выдались на редкость насыщенными. Слушай, принеси вина, а? Оно там, на столике, в соседней комнате, вместе с бокалами должно быть. Селес, обещаю, я расскажу тебе о гибели Асанты все, что знаю... увы, не очень много. Но после! Сейчас я на это просто неспособен.

Девушка попыталась пробуравить меня взглядом, но успеха не добилась – и волевым вынуждена выполнить просьбу негостеприимного хозяина жилища. А я смог оценить ее вид... хм... с обратной стороны. Нет, все-таки эльфы – мудрый народ. Штаны

девушкам идут куда лучше длинных юбок, вот если бы последние укоротить хотя бы до колен...

Дзанг! За дверью раздался звук, которого я спутать ни с чем не мог. Бутылка упала на пол и разбилась. Мое вино! Нет, эта перворожденная решительно намеревается стать поводом для как минимум межрасового скандала.

С тяжким вздохом поднявшись и шагнув в комнату, где так и остался неубранным праздничный ужин, я всерьез обеспокоился – не подкинул ли мне в дом какой-нибудь злопыхатель василиска. Слишком уж поза, в которой замерла Селес, была неестественной. Согнувшаяся за фиалом с заветной жидкостью, стоящим на низком столике, и даже явно ухватив свою цель, судя по осколкам на полу и быстро растекающейся в стороны луже, она замерла, так до конца и не распрямившись. Пальцы руки, казалось, все еще сжимают нечто длинное и твердое... разум немедленно подкинул одну препохабную ассоциацию, но я мужественно послал его в неведомые дали к демонам на посиделки и заклинанием проверил комнату на предмет чего-нибудь, способного впечатлить девушку настолько, что из ее ладони выскользнуло горлышко бутылки.

– Это что? – Страшный шепот из ее уст заставил меня повторно проверить комнату на наличие хищной живности. Но чары ничего живого, кроме хозяина жилища и его гости, не обнаружили, а единственным, кто мог бы избежать их воздействия, был дракон, которого физически не уместить в маленьком помещении башни даже сильнейшему архимагу. Разве что плотно спрессованными кусочками. Проследив за расширившимися до удивительных размеров глазами эльфийки, я наткнулся на позабытый суп. Мой нос алхимика-любителя опасно принюхался к витающим в помещении запахам и удивленно доложил своему владельцу о том, что получившееся зелье больше не воняет, какдохлый гоблин, проклятый ковром некромантов, а, напротив, источает приятный аромат, непостижимым образом сочетающий в себе пахучесть весеннего луга и свежесть зимнего утра.

– Суп. Из златолиста. Готовил для твоей сестры, – констатировал я, наблюдая, как девушка медленно-медленно склоняется над тарелкой и внимательно изучает ее содержимое. Мысль насчет мудрости эльфийского народа в области моды определенно была верной. – А в той бутылке, что ты расколошматила, было вино. Между прочим, мое любимое!

– Из златолиста, – зачарованно пробормотала эльфийка и вдруг начала смеяться. – Хи. Хи. Хи! Что, принц? Хи!

– Ну... – Я аж сбился с мысли от такого вопроса. И тут мое фамильное проклятие снова себя проявило.

– Он пришел! Он пришел! – Проявившийся в комнате призрак был изрядно возбужден, словно ребенок, которому наконец-то вручили долгожданную игрушку. Но мало того что этот покойник, чтоб ему на пожирателя душ в своей проклятой столице нарваться, притащил свои нематериальные останки в самый неподходящий момент, он каким-то образом еще и портал в мое жилище открыл!

– Ты же мертвец! – Перворожденные всегда очень бурно реагировали на нежить, и Селес точно не являлась исключением.

– Ты же мертвая! – Кажется, неупокоенный король сделал ту же ошибку, что и его бастард.

Два возгласа слились воедино, а произнесшие их отшатнулись друг от друга. Но потом эльфийка сообразила, что в доме человеческого мага еще и не такое может появиться, раз среди нашей расы даже некромантия вполне легальна, а дух опознал в ней живое существо.

– Ты кто?

– Ты кто?

Спросили мои гости одновременно. Они что, специально тренировались?

– Ладно, все потом, время работы моих артефактов сильно ограничено, – бросил повелительным голосом мертвый король, и шквальный порыв стылого ветра буквально впихнул и меня, и девушку, практически по чистой случайности оказавшуюся в моих объятиях, внутрь портала. Нас буквально вкатило под своды подземелья, и переход закрылся.

– Какого демона тут происходит? – вырвалась из моих рук эльфийка. Да, глазомерные исследования были верны. Грудь у Асанты была больше. – Что это еще за призрачная тварь такая?!

– Канлер Великий к вашим услугам, о дивная леди, – изящно склонил голову в поклоне мертвый король и тут же нахмурился. – Вообще-то, девочка, с момента моей смерти прошло еще не так много времени, чтобы меня можно было с кем-то спутать. Тем более что ты, как представительница столь долгоживущего племени, уж точно видела меня еще живым. Или, по крайней мере, портреты не раз наблюдала. Да и потом, разве мой непутевый, но любимый сын тебе обо мне ничего не рассказывал?

Конечно, любимый. Других-то больше нет. Ой, а что это с ней? Эльфийка упала в обморок.

– Зитц из вуман, е-е-е, – абсолютно немелодичным голосом пропел кто-то ранее неизвестный, и из-за спины к потерявшей сознание девушке вышла широкая мужская фигура, затянутая в непривычного покроя одежды и с ног до головы увешанная предметами, на фоне которых продемонстрированный мне боевой артефакт действительно смотрелся бедным родственником. Кажется, это и есть тот самый Олаф.

– Приветствую родича и счастлив оттого, что тропы путей наших пересеклись под небом, – осторожно сказал я, решив воспользоваться знаниями эльфийского этикета. Во-первых, ушастые на различных переговорах и словесных хитросплетениях буквально помешаны, и если уж по их меркам приветствие вежливо, то никто другой на него точно не обидится. Ну а во-вторых, если Селес, которую я подхватил и теперь держал на себе, просто притворяется – любят некоторые женщины создать о себе впечатление особо чувствительных особ, – нужно же произвести на нее хорошее впечатление.

Олаф обескураженно уставился на меня. Ожидаемо в общем-то. Вряд ли он знает языки нашего мира. Ладно, как раз на этот случай я кое-что захватил из своих запасов. Выпускники ордена Железной Волны – не особо талантливые маги разума... Но уж чужими-то артефактами пользоваться умеют. Это призраку хорошо: мертвые проблем в переговорах с живыми, если вообще их ведут, не испытывают.

Олаф. Междумировой торговец оружием

И как только меня не встречали заказчики – и с песнями, и с плясками (особенно африканские), и хорошим выдержанным виски (ирландские), и даже ящиком водки и накрытой поляной (это русские – и не спрашивайте меня, как можно накрыть «поляну» в ресторане, причем лучшем ресторане портового города). Но вот с висящей на клиенте женщиной меня еще ни разу не встречали. Видимо, это у них так по этикету положено? Тем более что сразу в полный рост встал вопрос общения – если с призраком разговор велся на нормальном таком английском, с акцентом, конечно, но очень небольшим, то вот с этим молодым (по виду чуть моложе меня) человеком этого не случилось. Выданная им тирада, конечно, звучала довольно мелодично, но была, как говорят в России, «ни хрена» непонятна. Поэтому я устремил взгляд на парящего справа от диктора призрака и осторожно спросил:

– Это он на каком? И девушка, надеюсь, не в подарок?

– Точно не знаю, – задумчиво сказала привидение и, видимо заметив мои рефлекторно округлившиеся глаза, пояснило: – Это я про эльфийку. Вроде бы это какая-то родственница его убитой подружки, во всяком случае, рожа у них одна, но до чего уж они там догово-

рились, когда я их прервал... Демоны! Как же я сразу не подумал, что ты по-человечески ни одного слова не понимаешь...

За «по-человечески» я обиделся. Но тут этот парень протянул мне какую-то странную цапку. Возьму, конечно, чего б не взять, это тоже, видно, вещичка не из дешевых. Вон и камешек какой-то имеется... А все же что это за хрень – вон иголка какая-то из верха торчит... Серьга, что ли?

Я взял подарок и тотчас же убедился в своих предположениях. Парень, одной рукой продолжая обнимать висящую без сознания девушку, достал из кармана вторую точно такую же вещь и вддел ее себе в мочку, поморщившись от боли и прошипев сквозь зубы что-то явно нецензурное.

Да хоть и эльфийка! Мне-то она зачем? Собирать персональный гарем – или он таким образом за оружие рассчитываться собирается? Тогда звяните: я на такой обмен не пойду – да будь она хоть мисс вселенная. Чего там такого в ней особенного будет? Не, на фиг, на фиг! Мне лучше камешками или, на крайний случай, золотом. Конечно, придется переплавлять да и, скорее всего, разбавлять земным процентов на двадцать, но спихну, пятнами не покроюсь. Закончив предварительный анализ пробежавших в моей голове мыслей, я принялся внимательно рассматривать полученную серьгу. В том, что это серьга, не было никаких сомнений, но вот ее устройство меня не особенно радовало. Зачем на украшении довольно приличные бороздки, как на рыболовном крючке? Да ее же после этого не снимешь без хирургической операции или без прощания с кусочком уха! Подумал, еще раз внимательно изучил, понаблюдал пьесу в стиле непризнанного актера мимического жанра от заказчика – и с упоминанием святого Патрика и его отношения к различным нехристям попытался проткнуть этой мечтой любителя БДСМ левое ухо. Оказалось чудовищно неудобно: на мне же как на новогодней елке повешано – тут руки с трудом поднять можно, а не то что аккуратно, стараясь не оторвать себе половину уха, проткнуть мочку.

Звук, кстати, был премерзкий – это я о протыкаемом этим пыточным орудием хряще. Обернувшись к призраку и стараясь не замечать капающей на разгрузку крови, с недовольным тоном выдал:

– Надеюсь, это того стоило. И передай этому садисту, что с бабой он зря – в качестве расчета я ее не приму.

Мне показалось или она весьма ощутимо вздрогнула? Судя по тому, как на нее покоился ее «держатель», оптическими галлюцинациями я страдать еще не начал.

– А я тебе ее и не предлагаю. – Этот серьгоносец осторожно дотронулся до своего уха, где тоже болталось украшение, аналогичное моему, скривился, видимо, от боли и что-то прошептал. Его пальцы на несколько секунд засветились светло-розовым цветом, и рана, могу поклясться в этом, мгновенно зажила! – И вообще, если верить моему отцу, ты согласен брать взамен своего волшебного оружия золото.

Впав на несколько секунд в прострацию и внимательнейшим образом ощупав свое украшение, перемазавшись при этом в крови как поросенок, мотнул в раздражении головой и, уперев взгляд в ясны очи заказчика, по совместительству еще и родственника (как оказалось), озвучил свои условия:

– Золото было бы нежелательно, но в крайнем случае могу взять и его. Лучше, конечно, драгоценные и полудрагоценные камни, но только после небольшой проверки. Проблемы с реализацией и, самое главное, с засветкой канала в этот мир мне не нужны.

После чего окинул взглядом помещение, приметив удобный выступ кирпичной кладки вдоль одной из стен, направился в его сторону, на ходу расстегивая разгрузку и скидывая с затекших плеч все на них навешанное.

– Ну давай приступим к показу. – После чего с ехидцей добавил: – Да кинь ты ее, а то, наверно, уже все руки оторвала. Судя по заднице, не пушинку держишь.

Тут я, конечно, несколько погрешил против истины, так как попка была мало того что очень аппетитной и тугой, но и не особенно большой – как раз такого размера, как я люблю. Да и в охватившем меня раздражении очень захотелось хоть немного вывести родственничка из себя и отомстить за украшение в многострадальном ухе.

По вышеупомянутой части тела, равно как и по всем остальным, прошла явственная дрожь негодования. Да, актерского таланта малышке явно не хватает, родственничек это тоже, видно, понял, потому что поставил ее вертикально, подержал так несколько секунд и отпустил. Не упала – осталась стоять, невероятным образом извернувшись, одним гибким движением прильнув к своему спутнику и начав что-то шептать ему на ухо. Ну и ладушки.

– Лот первый, – провозгласил я, доставая пистолет и целясь куда-то в противоположный конец коридора. – Пистолет ТТ. Дешев, прост, могу поставлять едва ли не тоннами. Убойная сила относительно невелика, но против не слишком хорошо бронированного противника сойдет. Стальной шлем толщиной примерно вот столько, – показал на пальцах примерно полсантиметра, – гарантированно пробьет с расстояния в пятьдесят шагов. Если попасть в него, конечно, а это требует некоторого мастерства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.